

Из двух зол выбирай наименьшее: сетевая и рыночная коррупция

Мария Кравцова

1. Введение

Коррупция представляет собой серьезную проблему для многих стран, в том числе и для экономически развитых. Однако наибольших масштабов это явление достигает в развивающихся государствах и в странах с переходной экономикой, поскольку в этих странах еще не успели сформироваться эффективные институты и развитое гражданское общество, способные ограничить масштабы коррупции. Коррупцию принято понимать как использование служебного положения в личных целях [Shleifer, Vishny 1993; Rose-Ackerman 2006]. Недостаток данного определения заключается в том, что оно не конкретизирует, что относится к сфере служебного, а что к сфере личного, какие случаи считать злоупотреблением служебного положения, а какие нет. Однозначного понимания того, что такое коррупция, нет не только среди ученых, но и среди простых людей. В результате в разных странах или в разное время люди, руководствующиеся своим культурным бэкграундом и действующими в данном обществе законодательными нормами, могут относить к коррупции совершенно разные практики.

Данное обстоятельство не принимается во внимание в экономическом подходе. Экономисты рассматривают разделение на «служебное» и «частное» как данность, не придавая достаточного значения тому, что оно является итогом длительного исторического развития и что во многих странах граница между этими двумя понятиями все еще весьма расплывчата. Из наличия четкого разделения на «служебное» и «частное» во всех обществах логически следует то, что в каждом конкретном случае можно без труда отличить «коррупционные практики» от «не коррупционных». Данный подход заложен в основу составления международных индексов измерения коррупции, таких как Индекс восприятия коррупции (ТИ) и Индекс контроля над коррупцией Всемирного Банка. Упомянутые индексы меряют восприятие коррупции в разных странах, имплицитно предполагая, что все люди относят к коррупции одни и те же практики.

Унифицированный подход к изучению коррупции имеет ряд неоспоримых достоинств. Он стимулирует межстрановые сравнительные исследования коррупции, и позволяет выявлять ее причины и последствия. Подобный анализ дает возможность предлагать некие универсальные рекомендации борьбы с данным явлением, которые, однако, не всегда работают на практике в силу особенностей конкретных обществ.

С точки зрения социологического подхода в каждой конкретной стране коррупция представляет собой особое явление, отражающее не только нормы и ценности, но и особенности распределения власти, характерные для данного общества. Социальные группы, имеющие наибольшее влияние, навязывают остальным членам общества собственную трактовку того, что следует относить к «коррупции» и следовательно, что должно быть подвергнуто социальному осуждению и законному преследованию. Подобная возможность манипулировать содержанием данного понятия, позволяет влиятельным группам укреплять свои властные позиции (Granovetter 2007).

Социологический подход, ставящий во главу угла «гибкость» коррупции, фактически лишает межстрановые сравнительные исследования всякого смысла. Он предполагает, что в каждом обществе существуют свое понимание коррупции, свои причины и последствия этого явления, и что универсальных способов борьбы с ним не существует.

В нашей работе мы хотим совместить практичность экономического подхода с весомым вкладом социологов в изучение коррупции. Для этого мы предлагаем разбить общее понятие коррупции на конкретные ее формы, которые часто могут не осознаваться как коррупционные самими участниками неформальных отношений в силу их принадлежности к определенной культурной традиции. Таким образом, набор коррупционных практик, сконструированный исследователем, не будет зависеть от культурных и правовых различий, что позволит нам сравнивать страны между собой.

Информация об «устройстве» коррупции также чрезвычайно важна как для оценки ее влияния на функционирование общества, так и для выработки более точных и эффективных анти - коррупционных мер.

На первый взгляд, в исследовательской литературе существует четкий консенсус о том, что коррупция оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие (e.g., Mauro, 1995; Mo, 2001; Meon&Sekkat, 2005; Blackburn&Sarmah, 2008). Тем не менее, в целом ряде работ обсуждаются возможные положительные эффекты коррупции (e.g., Leff, 1964; Bailey 1966; Scott, 1967; Nye, 1967; Huntington, 1968; Lui, 1985). Известной иллюстрацией того, что связь между коррупцией и экономическим развитием не является однозначной, может послужить т.н., East Asia Paradox (Wedeman, 2002). И хотя дискуссия о том, «смазывает» ли коррупция «колеса экономики» или «загрязняет», на данный момент в целом склоняется ко второму ответу, растущее число исследований показывают, что решающее значение в этой дискуссии имеет то, о *какой* коррупции идет речь (e.g., Campos et al., 1999; Blackburn&Forgues-Puccio, 2009). Очевидно, что исследование этого вопроса требует выхода за рамки преобладающего в современной литературе унифицированного подхода к коррупции.

Предполагаемое нами исследование относится к достаточно ограниченному на данный момент числу работ, которые свидетельствуют, что далеко не только степень распространенности, но и природа коррупции имеет значение. В нашей работе мы будем выделять две основные формы коррупции, которые будут иметь условное название «рыночная» и «сетевая».

Под *рыночной* коррупцией мы будем понимать транзакции между представителями общества и представителями государства, предполагающие использование служебного положения в личных целях, при которых *каждый* человек, который платит взятку, получает доступ к государственной услуге или ресурсам. Частным случаем рыночной коррупции являются ситуации, когда государство распределяет ограниченные блага, на которые существует множество претендентов. Тогда взаимоотношения между чиновниками и представителями общества принимают форму аукциона, где действует правило: тот, кто заплатит большую взятку, получает доступ к ресурсам.

Под *сетевой* коррупцией мы будем понимать транзакции между представителями общества и представителями государства, предполагающие использование служебного положения в личных целях, где доступ к государственной услуге или ресурсам могут получить *только* те люди, которые состоят *в родстве, дружеских или деловых отношениях* с чиновниками. Сетевая коррупция, в отличие от рыночной, обязательно предполагает наличие личных отношений между чиновниками и представителями населения и в этом смысле является более социально укорененной. Рыночная и сетевая коррупция не являются взаимоисключающими и в разных пропорциях присутствуют во многих странах.

Разделение на рыночную и сетевую коррупцию впервые ввел М. Грановеттер (Granovetter 2007). Ранее эти формы также фигурировали в литературе, но под другими

названиями. Для обозначения рыночной коррупции (термин введен Scott 1969: 38) может применяться общий термин «коррупция», либо «современная коррупция» (Nye 1967). Разнообразие терминов, используемых для обозначения сетевой коррупции, значительно выше. К данной форме коррупции или определенным ее проявлениям применимы термины «местническая коррупция» (Scott 1969: 38), «традиционная коррупция» (Nye 1967) «блат» (Ledeneva 1998), «guanxi», что в переводе с китайского означает «связи, отношения» и используется как альтернатива русскому понятию «блат» в китайском обществе (see for example: Yan 1996, Schramm and Taube 2003, Zhan 2012, Peng 2004), «фаворитизм» (Redlawsk, McCann, 2005), «фамилизм» (Banfield, 1958, Lipset, Lenz 2000), «клановость» (Kang 2002, Hutchcroft 1991), «патронаж» (Boissevain 1966), «непотизм» (Wraith, Simpkins 1964), «клиентелизм» (Lemarchand, Legg 1968). Грановеттер впервые обозначил изучение сетевой коррупции в контексте ее противопоставления рыночной как перспективную область исследования и предложил ряд теоретических предпосылок для данного анализа. Тем не менее, количество работ по данной тематике крайне мало и большинство из них носят качественный характер. Нам не удалось найти ни одного количественного исследования, посвященного данной проблеме.

Разделение этих двух форм коррупции представляется нам потенциально важным и интересным по целому ряду причин.

Во-первых, такое разделение позволяет лучше понять плюсы и минусы коррупции, и, таким образом, внести вклад в продолжающуюся дискуссию о том, «смазывает» ли коррупция колеса экономики или «засоряет».

С одной стороны, рыночная коррупция весьма согласованна с логикой рынка. Любая фирма, если она успешна и имеет стабильный доход, может позволить себе заплатить взятку и получить необходимую государственную услугу. В отличие от сетевой коррупции, она предлагает универсальные образцы для достижения цели, которые больше подходят для бюрократических систем и рыночных экономик (Scott 1969). Кроме того, рыночная коррупция более справедлива и поэтому менее раздражительна для бизнеса. Если бизнесмен может получить у местной администрации желаемое с помощью денежной платы – это с меньшей вероятностью вызовет его недовольство, чем если он обнаружит, что даже заплатив, он ничего не добьется, так как семейные и кастовые связи являются более значимыми факторами (Wiener 1962).

С другой стороны, в ряде работ отмечается, что при разрастании рыночная коррупция становится разрушительной для государства. Она парализует его функцию вырабатывать самостоятельную политику и эффективно регулировать экономику (Evans, 1989; Kang, 2002). В данном случае каждый, кто платит взятку, может развернуть политику в свою сторону. По мнению Джонстона (Johnston, 2005) в условиях высокой рыночной коррупции государство становится либо «исполнительным комитетом буржуазии», либо орудием власти для извлечения коррупционной ренты из населения.

В то же время, распространение сетевой коррупции выглядит менее разрушительным, так как власти и бизнес образуют неформальную коалицию, основанную на давних партнерских, дружеских или родственных отношениях. В результате власти получают возможность контролировать бизнес, а предприниматели – лоббировать собственные интересы во власти. При этом как чиновники, так и бизнесмены действуют не как отдельные индивиды, преследующие личную выгоду, а как сплоченная команда, способная совместно вырабатывать некую общую политику. К этому можно добавить, что при наличии такой прочной сети коррупция становится более централизованной. Это позволяет государству успешно выполнять свою регулируемую функцию, а бизнесу избегать неопределенности, связанной с невозможностью заранее просчитать свои коррупционные издержки. Когда власть интегрирована, коррупция устроена по принципу «одного окна» и предпринимателям нет необходимости платить взятки в бесконечное множество инстанций (Evans, 1989; Kang 2002; Johnston, 2005; Blackburn&Forgues-Puccio, 2009).

В качестве второго довода в пользу актуальности нашего разделения коррупции можно привести тот факт, что оно позволяет более точно оценить масштабы наблюдаемого феномена. На наш взгляд, *рыночная* коррупция отражает ту часть коррупции, которая является относительно хорошо наблюдаемой и измеряемой, так как она основана на неформальных платежах. В свою очередь, *сетевая* коррупция представляет собой подводную часть «коррупционного айсберга, которая, по определению, гораздо трудней поддается наблюдению. В связи с этим, в подавляющем большинстве межстрановых работ о коррупции исследуется, главным образом, ее *рыночная* форма. Однако как бы изменились результаты этих работ, в том числе и ранжирование стран по уровню коррупции, если бы была учтена *сетевая* коррупция? Наши предварительные расчеты, а также некоторые работы на микро-уровне (e.g., Hellman et al., 2000) показывают, что *рыночная* и *сетевая* коррупция являются скорее не комплементами, а субститутами. Это указывает на то, что результаты могли бы поменяться очень сильно.

В-третьих, если общую коррупцию условно разделить на две составляющие, первая из которых является относительно динамичной и достаточно сильно реагирующей на различные изменения в «правилах игры», в том числе, на меры анти - коррупционной политики, а вторая – более инертной и слабо реагирующей на внешние изменения, то выделяемые нами *рыночная* и *сетевая* формы коррупции, на наш взгляд, могли бы неплохо соответствовать этим двум компонентам. Сетевая коррупция представляется нам более инертным и устойчивым явлением, чем рыночная коррупция, благодаря менее явной денежной компоненте и своей *сетевой* природе. В связи с этим более узким интересным вопросом могло бы стать изучение сетевой коррупции с позиций теории социальных сетей (e.g., McIlwain, 1999). В частности, было бы интересно понять, в какой мере коррупционные отношения создают или укрепляют социальные сети, а в какой мере существующие сети порождают или оказываются поражены коррупцией.

Наконец, в-четвертых, разделение коррупции на рыночную и сетевую формы позволяет, на наш взгляд, описать процессы, происходящие в России. В ряде работ отмечаются серьезные изменения в коррупционных отношениях, происходившие в стране в 2000-е годы (Frye et al., 2009; Ledeneva&Shekshnia 2011; Кравцова, 2012), которые вполне, на наш взгляд, могут интерпретироваться как разрастание *сетевой* коррупции на фоне сохранения или даже сокращения рыночной коррупции. Россия могла бы послужить хорошим примером для изучения взаимных трансформаций рыночной и сетевой коррупции.¹

Основной целью работы является сравнительный анализ рыночной и сетевой коррупции. Для достижения этой цели предполагается выполнение ряда задач: а) Создание классификации коррупции, основанной на выделяемых нами формах б) измерение степени распространенности обеих форм коррупции в разных странах; в) сравнение страновых факторов, влияющих на распространение обеих форм коррупции; г) анализ индивидуальных факторов, влияющих на участие в обеих формах коррупции

В нашу выборку вошли главным образом страны с переходной экономикой, которые являются прекрасной лабораторией для изучения коррупционных отношений во всем их многообразии. В качестве объекта исследования мы выбрали неформальные отношения между чиновниками и представителями общества. Особый акцент мы делаем на характере неформальных трансакций между властью и бизнесом, так как именно от них во многом зависит, будет ли коррупция «засорять» или «смазывать» колеса экономики.

^{1 1} Как замечает Марк Грановеттер, «...Даже если коррупция изначально является исключительно рыночным феноменом, необходимость соблюдать секретность делает весьма вероятным, что участники неформальных отношений с целью защитить себя будут пытаться выстраивать личные связи, добавляя к рыночной коррупции важные сетевые элементы (Granovetter, 2007, 167-168).

Что считается коррупцией?

Существует несколько причин, почему люди в разное время или в разных странах по-разному понимают коррупцию. Одной из них являются различия в социальных нормах. Например, в Западной Африке ценности, связанные с добросовестным несением государственной службы и служением общественным интересам очень размыты. Это можно объяснить колониальным прошлым этих государств, в результате которого сформировалось негативное отношение к власти, как к чему-то насильственно насаждаемому и чуждому простому населению (McMullan 1961). Кроме того, разделение государственного и частного, к которому представители западных стран привыкли относиться как к данности, является лишь результатом длительного исторического развития (Wertheim 1963). В странах Африки, а также во многих других развивающихся государствах, эти процессы еще не завершены, поэтому люди, занимающие государственные посты в этих обществах, часто не видят ничего предосудительного в использовании служебного положения в личных целях и не воспринимают многие действия как коррупцию. Более того, во многих развивающихся странах государственные служащие считают себя обязанными не столько выполнять свой государственный долг, сколько помогать своим менее успешным родственникам и знакомым, например, назначая их на государственную службу (Boissevain 1966, Wertheim 1963, Wraith & Simpkins 1964). Многие коррупционные практики удачно вписываются в многолетние традиции обмена дарами и поддерживаются ценностями расширенной семьи, поэтому грань между традиционными действиями и коррупцией провести очень сложно (Johnston 2005, Wraith & Simpkins 1964, Williams 1976). Несмотря на то, что некоторые цитируемые нами статьи были написаны около 50 лет назад, на сегодняшний день ситуация существенно не изменилась. Ценности семьи, клана, личной привязанности в развивающихся странах по-прежнему доминируют над ценностями общественного блага (Bellow 2004).

Многие из тех практик, которые не считаются коррупционными в развивающихся странах, в развитых странах посчитали бы коррупцией. Развивающиеся страны также могут отличаться между собой по закрепившимся в обществе ценностям и, следовательно, по восприятию коррупции. Основываясь на данных положениях, Хайденхаймер предложил различать «белую», «серую» и «черную» коррупцию (Heidenheimer 1970). Под «черной» коррупцией понимаются практики, которые заслуживают наказания, как с точки зрения элит, так и согласно общественному мнению. Под понятие «серой коррупции» попадают действия, о вреде которых существуют различные мнения как среди элит, так и среди населения. Наконец, «белой коррупцией» автор называет практики, к которым большинство представителей разных социальных групп готовы относиться терпимо. Далее Хайденхаймер показывает, что в традиционных сообществах, построенных на патронажных отношениях и в современных обществах, одни и те же практики относятся к разным типам коррупции. Например, небольшие отступления от правил в пользу друзей и знакомых в традиционных системах относятся к «белой коррупции», в то время как в современных обществах они имеют «серый» оттенок. Точно также подарки чиновникам, чтобы снискать их дружеское расположение, в менее развитых обществах считаются «белой» коррупцией, а в более развитых – «черной».

Отнесение тех или иных практик к коррупции также связано со спецификой законодательства (Scott 1969). Одни и те же практики в одних странах могут считаться вполне легальными, а в других – коррупционными. Таким образом, уровень коррупции может отражать также особенности законодательных норм.

Чтобы избежать нечеткости содержания, заложенного в понятие коррупции, мы решили выделить конкретные формы этого явления, и максимально точно их описать. Однако, прежде чем приступить к составлению собственной классификации, мы проанализировали выделяемые в литературе формы коррупции.

Классификации коррупции

Существует множество оснований для выделения различных форм коррупции (см. например Morris 2011). Часто классификации коррупции основаны на количестве и характеристиках контрагентов, вступающих в коррупционные отношения. В частности выделяется транзакционная коррупция (transactional corruption) (Zhan 2012), представляющая собой отношения обмена, в которых участвуют две и более сторон, а также аутогенная коррупция (Alatas 1990), в которой задействован лишь один человек. Примерами аутогенной коррупции может служить расхищение чиновниками общественных фондов и мошенничество.

Важным критерием выделения разных форм коррупции является институциональное местоположение акторов, участвующих в коррупционных сделках. Данная характеристика позволяет различать политическую коррупцию, в которую вовлечены представители государства и общества, и коррупцию, имеющую место лишь внутри общества (Morris 2011). К последнему виду коррупции относятся, например, коррупционные отношения в бизнес среде.

Согласно данному критерию можно выделить также более детализированные формы политической коррупции, такие как коррупция в исполнительной власти, в судебной системе, в местных органах власти, в полиции, на таможне, в ведомствах, контролирующих строительную сферу и т.д. (Morris 2011).

Двумя часто выделяемыми формами коррупции, учитывающими институциональное местоположение контрагентов, является низовая коррупция и коррупция на высшем уровне (Nye 1967, Morris 2011). В первом случае речь идет о коррупционных отношениях, в которые вовлечены президенты стран, главы регионов и другие высокопоставленные официальные лица. Во втором случае рассматриваются коррупционные отношения с рядовыми чиновниками. Данная классификация тесно пересекается с разделением на политическую и административную коррупцию (Bardhan 2006). Под политической коррупцией (в данном случае этот термин употребляется в более узком значении) подразумеваются коррупционные отношения в процессе принятия политических решений, в то время как административная коррупция наблюдается на стадии исполнения законов.

Классификация коррупции может также базироваться на характере самого коррупционного действия. Наиболее часто выделяются крупная (gran) и мелкая (petty) коррупция (Morris 2011). Крупная коррупция предполагает неформальные платежи в большом размере. Под мелкой коррупцией, наоборот, имеются в виду мелкие взятки.

Важным критерием, лежащим в основе классификаций коррупции, является также степень систематичности данного явления. Марк Робинзон (Robinson 1998) выделяет три формы коррупции:

- случайную коррупцию, когда имеет место отклонение от норм конкретного индивида. Она является довольно редким случаем.
- институциональную коррупцию, которая наблюдается внутри отдельных институтов и является следствием недостаточного контроля.
- системную коррупцию, когда коррупционные отношения пронизывают все общество и представляют собой систему, работающую по определенным правилам.

Ряд других авторов выделяют централизованную и децентрализованную коррупцию (Bardhan 2006, Shleifer, Vishny 1993). Под централизованной коррупцией понимается ситуация, когда существует неформальная иерархия власти. Коррупционные платежи поступают сначала наверх, а потом могут перераспределяться по патронажным сетям внутри системы. Децентрализованная коррупция предполагает ситуацию, когда каждое государственное ведомство действует как самостоятельный агент, изымая свой коррупционный доход из общества.

Коррупция может также отличаться по своим целям. Например, люди могут вступать в коррупционные отношения с целью личного обогащения, а также по другим мотивам, таким как политическое влияние, социальный статус, продвижение по службе, личный отдых и т.д. (Zhan 2012) Различают также коррупцию, обусловленную личным интересом и коррупцию, направленную на соблюдение интересов группы (Morris 2011). Маргарет Бир предлагает свою классификацию, основанную на мотивах, которая состоит из 4 форм коррупции (Beare 1997):

- взятки, чтобы вести легальный бизнес

- коррупция, связанная с проведением избирательной кампании

- «защитная коррупция», предполагающая неформальные платежи, которые дают право вести нелегальный бизнес.

- коррупция с целью личного обогащения элит за счет общества.

В основе классификации коррупции могут также лежать особенности обменных отношений и в частности, то влияние, которое оказывают на них различия в статусах между контрагентами. Согласно этому критерию выделяют top-down и bottom-up формы коррупции (Kang 2002). Top-down форма коррупции предполагает, что представители государства извлекают выгоду из общества и наживаются за счет людей. В ситуации bottom-up формы коррупции, наоборот, влиятельные группы в обществе предъявляют свои требования государству, в результате чего государство теряет способность самостоятельно принимать решения.

В зависимости от особенностей распределения власти между контрагентами можно также выделить добровольную коррупцию и вымогательство (Morris 2011, Alatas 1990), когда человек платит взятку под давлением со стороны контрагента, обладающего властью.

Ряд авторов считает коррупцию отражением определенного социально-экономического контекста. Следовательно, они выделяют различные формы коррупции в зависимости от конкретных социально-экономических условий. Например, классификация коррупции, предложенная Джонстоном, отражает сочетание в разных странах качества институтов и гражданской активности общества (Johnston 2005). Классификация коррупции Канга (Kang 2002) в свою очередь построена на вариациях в степени консолидации государства и бизнес-сектора.

Наконец, в ряде работ классификация коррупции базируется на последствиях распространения этого феномена. Авторы выделяют интегративную и дезинтегративную коррупцию (Johnston 1986, Morris 1999). Интегративная коррупция приводит к сплочению элит, либо к интеграции элит и общества. Дезинтегративная коррупция, напротив, может провоцировать конфликты как внутри элит, так и между элитами и обществом.

В нашей работе основным критерием для выделения различных форм коррупции является степень открытости для населения доступа к коррупционным услугам, предоставляемым чиновниками. Выделенные нами рыночная и сетевая коррупция являются лишь крайними точками континуума. Крайним полюсом слева является рыночная коррупция, основанная на неформальных денежных платежах. В середине континуума расположена сетевая коррупция, также предполагающая денежные взятки в качестве формы оплаты за услуги чиновников. От рыночной денежной коррупции она отличается тем, что получить доступ к ресурсам с помощью взятки может не каждый, а только те предприниматели, которые имеют знакомых и родственников среди чиновников. И, наконец, крайним полюсом континуума справа является сетевая неденежная коррупция. В данном случае предоставление некой услуги со стороны чиновника и ее оплата предпринимателем могут быть существенно разнесены во времени. При этом форма выражения благодарности со стороны предпринимателя может носить характер ответной услуги. Кроме того, чиновники и предприниматели могут обмениваться нематериальными благами, такими как дружеское расположение или гарантии поддержки и лояльности.

Внутри рыночной формы коррупции можно выделить 3 типа. Первый из них встречается при относительно низком уровне коррупции, в то время как два других предполагают широкое распространение данного феномена.

1) «Эгалитарная контролируемая коррупция». Речь идет о ситуациях, где каждый имеет равные возможности доступа к коррупционным услугам, но при этом государство контролирует эти процессы. Власть сама устанавливает обезличенные правила, согласно которым происходит распределение рент. Например, в Южной Корее в 1960-х и 1970-х гг. лицензии на импорт и льготные ставки по кредитам распределялись между фирмами по итогам их успехов в экспорте. К проявлению универалистской коррупции в относительно развитых и стабильных обществах относятся такие обезличенные практики как создание неформальных «фондов помощи» при государственных органах, куда любой предприниматель может перечислить деньги. «Эгалитарная контролируемая коррупция» приносит наименьший вред экономике и присутствует в странах с достаточно устойчивыми политическими и экономическими институтами. Этот вид рыночной коррупции не сопровождается высокой частотой и большим размером взяток.

2) «Топ даун форма коррупции». В ситуации «топ-даун формы коррупции» власть в лице небольшой группы людей, связанных друг с другом преимущественно родственными связями, имеет неограниченную власть над бизнесом и беспрепятственно извлекает из него коррупционный доход. *Свободный доступ к коррупции обеспечивается за счет того, что власти заинтересованы извлечь максимальное количество рент.* При «топ даун форме» правом решать свои проблемы коррупционным путем обладает практически каждый, однако доступ к извлечению коррупционных рент из населения и к их перераспределению имеет только ограниченный круг лиц. Количество людей, участвующих в коррупции, очень велико.

3) «Свободная конкуренция». В ситуации «свободной конкуренции» побеждает наиболее сильная сторона. Это могут быть либо предприниматели, либо представители власти. Возможна ситуация, когда на низовом уровне чиновники беспрепятственно извлекают коррупционную прибыль из малых и средних предприятий, в то время как на высшем уровне отдельные олигархи свободно покупают решения более слабого государства. *В данном случае свободный доступ к коррупции обеспечивается за счет того, что государство слишком слабо, чтобы ограничивать этот доступ.* В ситуации свободной конкуренции существует открытый доступ как к получению коррупционных услуг, так и к их предоставлению и перераспределению. Количество людей, участвующих в коррупционных отношениях, также очень велико.

В дальнейшем мы будем подробно анализировать лишь 2 вида рыночной коррупции: «топ даун форму» и «свободную конкуренцию». Первый подвид «Эгалитарная контролируемая коррупция» интересует нас в меньшей степени, так как она лишена недостатков, связанных с двумя другими подвидами рыночной коррупции и с сетевой коррупцией. Она с одной стороны обеспечивает равный доступ к коррупционным услугам, а с другой - не приводит к полной парализации государства и к непосильной финансовой нагрузке на бизнес и общество. По этой причине нам кажется более корректным сравнение сетевой коррупции с рыночной, представленной в формах «свободной конкуренции» и «топ-даун формы».

Внутри сетевой коррупции также можно выделить ряд различных практик, которые однако нельзя считать отдельными подгруппами, как в случае с рыночной коррупцией. Они тесно пересекаются друг с другом и представляют собой некое общее явление, возникающее в определенном социально-экономическом контексте. К практикам сетевой коррупции относятся :

Фаворитизм. Случаи, когда члены группы оказываются в привилегированном положении перед аутсайдерами. Одной из его разновидностей является кронизм, представляющий собой понятие противоположное меритократизму. К кронизму относятся ситуации, когда, например, при назначении на государственные должности предпочтение

отдается друзьям, независимо от их профессиональной квалификации. Если в тех же случаях предпочтение отдается не друзьям, а родственникам, то данное явление обозначается термином непотизм.

Отношения патрон-клиент. Как правило, под отношениями патрон-клиент понимается особый случай диадических связей, основанных на дружбе, носящей инструментальный характер. В отношениях патрон-клиент индивид с более высоким социально-экономическим статусом (патрон) использует свое влияние и ресурсы, чтобы предоставить протекцию или привилегии человеку с более низким статусом (клиент), который в свою очередь оказывает патрону всяческую поддержку или услуги (Scott 1972).

Блат и его китайский аналог guanxi. Под это определение подходят отношения патрон-клиент, а также различные формы фаворитизма. Также сюда относятся любые ситуации, когда люди с помощью личных связей приобретают любые необходимые им блага. Эти два понятия в наибольшей степени пересекаются с введенным нами понятием партикуляристской коррупции.

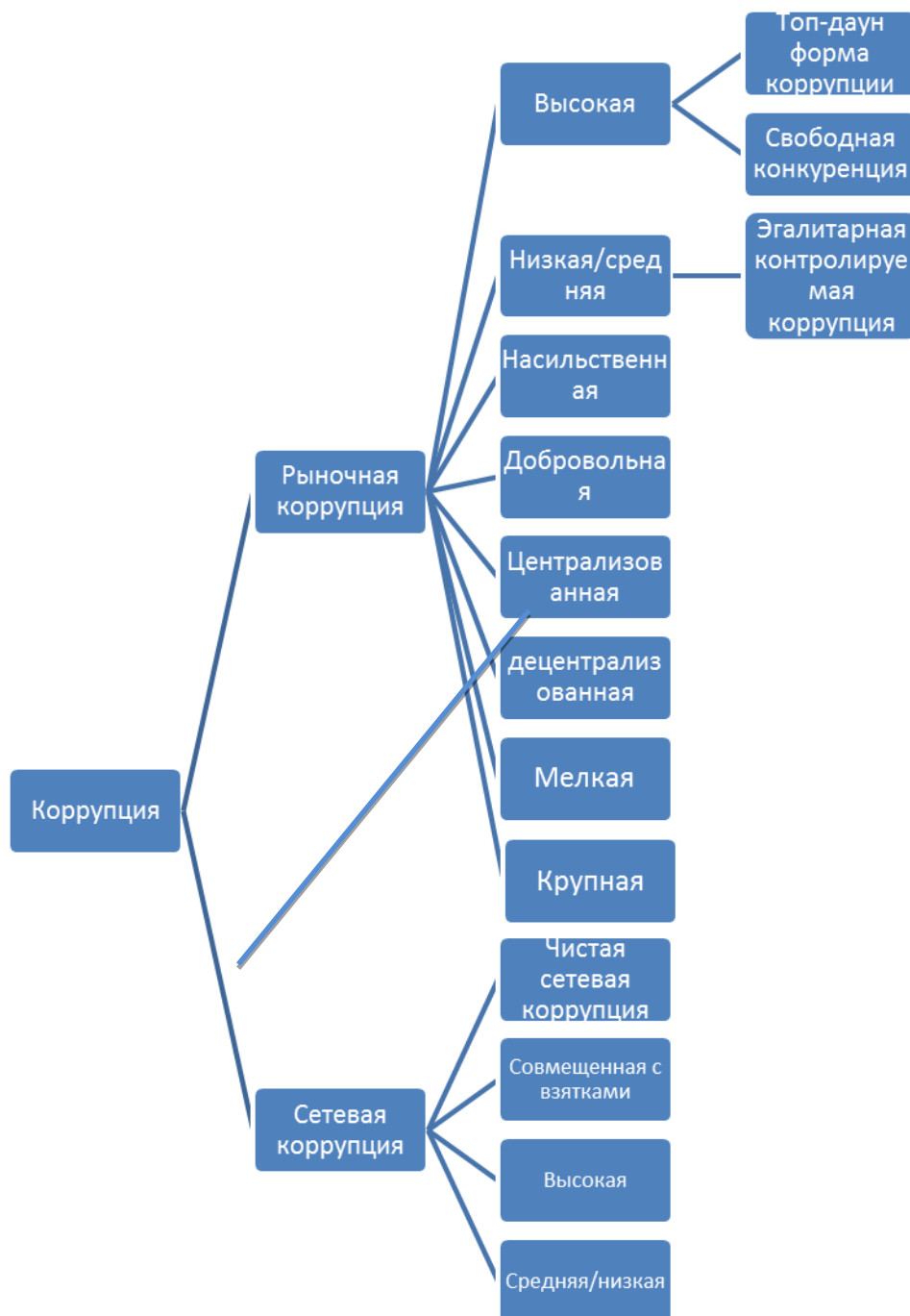
Предложенная нами классификация пересекается с некоторыми другими существующими классификациями коррупции, описанными выше. Рыночная коррупция может быть как централизованной, так и децентрализованной. В ситуации «топ даун формы», когда определенная группа элит контролирует доступ к извлечению коррупционной ренты, более вероятна централизованная коррупция. В ситуации «свободной конкуренции», когда каждое государственное ведомство имеет потенциальную возможность получать свой коррупционный доход, более вероятна децентрализованная коррупция. Сетевая коррупция, построенная на патронажных сетях, в меньшей степени предполагает независимое участие государственных ведомств в извлечении личной выгоды коррупционным путем. В ситуации сетевой коррупции элиты связаны между собой долгосрочными взаимными обязательствами и активно используют практики перераспределения. Таким образом, сетевая коррупция носит более централизованный характер. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении межстрановые данные не позволяют измерить уровень централизации обеих форм коррупции, поэтому сформулированные выше гипотезы, на сегодняшний день призваны остаться лишь теоретическими предпосылками.

В ситуации рыночной коррупции размер неформальных выплат может также варьироваться, что заложено в основу разделения на мелкую и крупную коррупцию. Рыночная коррупция предполагает, что каждый имеет равный доступ к коррупционным услугам и поэтому много фирм участвуют в коррупции. При этом важно учитывать, какие фирмы преобладают в конкретной стране: фирмы, тратящие большое количество средств на неформальные платежи, либо фирмы, чьи коррупционные расходы не столь существенны.

Понятия мелкая и крупная коррупция не применимы к сетевой форме коррупции, так как «плата» за услуги чиновников может носить нематериальный характер. В результате крайне сложно определить, насколько велика та цена, которую человек платит за коррупционную услугу чиновника.

Наконец, коррупция может различаться по степени насильственности. Согласно данному основанию коррупционные действия можно разделить на добровольное участие в коррупции и вымогательство. В первом случае инициатором коррупционного обмена является взяткодатель, а во втором – чиновник. Данное разделение более применимо к рыночной коррупции. Участники сетевой коррупции склонны маскировать наличие утилитарных мотивов в своих действиях, поэтому открытое требование конкретного дара в ответ на предложенный дар здесь маловероятно. Люди, вступающие в этот вид неформальных отношений, настолько переплетены взаимными обязательствами, что сложно определить, является ли некая услуга ответом на ранее оказанную помощь, или она выступает аналогом взятки и служит стимулом к оказанию новой услуги. Поэтому инициатора коррупционных отношений определить крайне сложно.

Описанную нами классификацию можно представить следующим образом в графическом виде.

Причины коррупции на страновом уровне

На страновом уровне мы планируем проверить две основные гипотезы:

H1: *Рыночная и сетевая коррупция имеют различные причины.*

Если нам удастся выявить серьезные различия в их природе, это станет веским аргументом в пользу их раздельного изучения.

H2: *Рыночная коррупция в большей степени зависит от текущего социально-экономического контекста, чем сетевая.*

Чтобы проверить данные гипотезы, на основе литературы мы выявили ряд факторов, которые коррелируют с коррупцией в целом, и приложили их к рыночной и сетевой коррупции. Прежде, чем приступить к исследованию, мы сформулировали ряд гипотез, касающихся как схожести, так и различий в причинах обеих форм коррупции.

A1: Уровень социально-экономического развития и качество государственных институтов отрицательно связаны с распространенностью обеих форм коррупции.

В более развитых странах выше уровень грамотности и образования, что обеспечивает более четкое разделение между общественным благом и частными интересами. Соответственно в более развитых странах уровень коррупции ниже (Treisman 2000). Кроме того, более развитые страны могут себе позволить более эффективные формальные институты, более качественное госуправление (North, 1981), что обеспечивает сокращение коррупции.

Для измерения уровня экономического развития мы будем использовать HDI (Human Development Index разработанный United Nations Development Programm). Качество государственных институтов мы будем мерить с помощью двух показателей, содержащихся в базе данных Worldwide Governance Indicators (WGI), составляемой Всемирным Банком. К ним относятся «Эффективность правительства» (Government Effectiveness), которая отражает качество государственных услуг, эффективность государственной политики и ее применения, степень независимости государства от давления различных групп интересов. Вторым показателем является «Качество регулирования» (Regulatory Quality), который фокусируется на качестве государственного регулирования частного сектора.

A2.1: Рыночная коррупция более чувствительна к мерам антикоррупционной политики, чем сетевая.

A2.2: Более жесткий антикоррупционный контроль, подавляя рыночную коррупцию, может стимулировать рост сетевой коррупции.

Так как антикоррупционный контроль направлен, главным образом, на наиболее явные проявления коррупции то он в первую очередь будет сокращать рыночную коррупцию. Сетевая коррупция является некой альтернативной реакцией на несовершенство институциональной среды в ситуации, когда доступ к решению проблем с помощью взяток ограничен.

В качестве меры жесткости антикоррупционного контроля мы используем Bertelsmann Transformation Index 2012, составляемый фондом Бертельсманна (Bertelsmann Foundation). Данный индекс основан на экспертных оценках институтов, связанных с антикоррупционной политикой и ее применением. В частности оценивается качество аудита государственных расходов, регулирование финансирования политических партий, доступ граждан и СМИ к информации, а также подотчетность чиновников (декларации доходов чиновников, кодексы профессиональной этики, степень прозрачности системы госзакупок).

A3: В условиях политической нестабильности рыночная коррупция относительно больше распространена, чем сетевая.

В ситуации политической нестабильности представители власти имеют менее широкий горизонт планирования, что обуславливает их настрой на извлечение максимального количества взяток (Treisman 2000, Olson 1993). Следовательно рыночная коррупция начинает расти. Сетевая коррупция требует достаточно длительного периода отсутствия изменений. Это является необходимым условием для установления длительных доверительных отношений между контрагентами и для формирования социальных сетей

В качестве меры политической нестабильности мы будем использовать индекс политической нестабильности и насилия (Political stability and Violence) (Worldwide Governance Indicators (WGI), Всемирный Банк). Этот показатель измеряет восприятие вероятности того, что правительство лишится своих полномочий неконституционными, насильственными методами.

А4: Размер теневой экономики положительно коррелирует с обеими формами коррупции.

Это объясняется тем, что участники теневой экономики вынуждены платить взятки, когда их уличают в несоблюдении требований законодательства при ведении экономической деятельности (Dreher, Schneider 2010). Аналогичным образом, предприниматели из неформального сектора могут задействовать свои связи, чтобы избегать ответственности за ведение теневого бизнеса.

В качестве показателя размера теневой экономики мы берем индекс, предложенный Шнейдером и др., который измеряет процент от ВВП, приходящийся на неформальную экономику (Shneider et al. 2010).

А5) Сетевая и рыночная коррупция коррелируют с уровнем демократии. На данной ограниченной выборке стран направление связи может варьироваться.

Как известно, распространенность коррупции в странах тесно связана с характером политического режима. Связь между коррупцией и степенью демократичности не линейна и имеет перевернутую U – образную форму (Montinola&Jackman, 2002). Коррупция достигает своих максимальных значений в молодых демократиях, в то время как в развитых демократиях и в жестких авторитарных режимах ее уровень ниже. Перевернутая U образная связь объясняется тем, что во многих авторитарных режимах политики заинтересованы в пресечении стихийного распространения взяточничества, во-первых, потому что это ограничивает экономическое развитие страны и, следовательно, их будущий коррупционный доход. Во-вторых, неконтролируемая коррупция ведет к потере контроля над ситуацией и к возможному появлению нежелательных политических соперников.

Далее, при переходе к демократии резко увеличивается количество участников в экономических и политических процессах. Массовый приход новых «игроков» в отсутствие механизмов их интегрирования в систему способствует увеличению рыночной формы коррупции (Huntington 1968). В данном случае взятки играют роль формальных институтов, обеспечивающих смену элит. На более поздних этапах, становления демократии такие институты как регулярные и честные выборы, свобода слова, эффективная судебная система и т.д. начинают ограничивать коррупцию.

Данные выводы базируются на результатах межстрановых исследований, где уровень коррупции измерялся с помощью индексов восприятия коррупции (СЦИ, СРІ и др.) Эти индексы гораздо лучше отражают распространенность рыночной коррупции и практически не «схватывают» сетевую коррупцию. Поэтому данную гипотезу можно применить к нашему индексу рыночной коррупции.

Сетевая коррупция может развиваться как альтернатива рыночной коррупции, поэтому мы ожидаем, что связь между сетевой коррупцией и демократией также будет иметь U образную форму. Сетевая коррупция будет выше в странах с жесткой анти - коррупционной политикой (Гипотезы Н2.1-2.2), среди которых страны с авторитарным типом политического устройства. В странах со слабой демократией сетевая коррупция уступает рыночной коррупции, а затем, по мере демократизации и усилении антикоррупционной политики, сетевая коррупция может опять расти.

Ожидаемая нами U образная форма связи между рыночной и сетевой коррупцией с демократией может быть выявлена лишь на более полной выборке стран и с использованием более продвинутых эконометрических инструментов. Наша выборка, ограниченная странами с переходной экономикой, позволяет лишь выявить преобладающее направление связи (отрицательное или положительное) для данной конкретной группы.

Для измерения авторитаризма/демократии мы используем индекс polity 2, содержащийся в базе данных Polity IV (Monty Marshall, Robert Gurr). Этот показатель оценивает соотношение демократических и авторитарных черт политических режимов.

Аб.1: В странах, где основной религией является протестантизм, уровень обеих форм коррупции будет ниже, чем в других странах.

Аб.2: В странах, где доминирует одна из «иерархических» религий, уровень обеих форм коррупции будет выше, чем в других странах.

Данные гипотезы вызваны тем, что, во-первых, в странах, где религиозная традиция базируется на социальной иерархии, ниже уровень доверия к незнакомым (внегрупповое доверие), так как вертикальные связи изначально были более крепкими, чем горизонтальные. Внегрупповое доверие же стимулируется за счет большого количества контактов между людьми, равных по своему социальному статусу, но не являющихся близкими друзьями или родственниками (Putnam et al. 1994, La Porta et al. 1999). По мнению Путнама, высокий уровень доверия к незнакомым облегчает коллективное действие и является основополагающим для формирования ценностей общественного блага, которые необходимы для эффективного государства и снижения уровня коррупции.

Второй причиной меньшего распространения коррупции в протестантских странах по сравнению со странами с «иерархическими» религиями является то, что протестантская церковь стала основоположником принципа разделения властей, обеспечивающего более эффективный контроль над действиями чиновников. Протестантизм, как известно, возник как религия, оппозиционная католической церкви сросшейся с государством. Поэтому протестантская церковь выполняла функции

мониторинга над качеством государственного управления и поведением представителей власти. В странах же с «иерархическими» религиями церковь была тесно переплетена с государством, а разделение властей появилось лишь намного позже (La Porta et al. 1999).

Для проверки данной гипотезы мы составили собственную базу данных, содержащую долю последователей различных религий за ближайший доступный период с 2003 по 2012 годы.

A7: В странах, где (в силу исторических, политических или экономических причин) социальный статус государственных служащих выше, чем статус предпринимателей, либо равен ему, в большей степени будет распространена сетевая коррупция. В странах, где статус предпринимателей выше, чем статус чиновников, наоборот, скорее будет преобладать рыночная коррупция.

Для проверки данной гипотезы мы обратились к базе данных Lits, которая позволяет выделить показатели социального статуса чиновника и социального статуса предпринимателя (подробнее см. в разделе данные и методология).

Данная идея была впервые сформулирована М. Грановеттером (Granovetter, 2007). Его рассуждения базируются на наблюдении антропологов о том, что принять взятку – это значит признать свой более низкий статус. Это примерно то же самое, как принять чаевые. Предложение денег несовместимо с реципрокными отношениями. Человек, предлагающий другому человеку взятку, дает ему тем самым понять, что дальнейшие личные отношения между ними невозможны. Это происходит в тех случаях, когда взяткодатель считает своего контрагента ниже по статусу. Если в обменных отношениях участвуют две стороны, примерно равные по своему социальному статусу, то эти отношения принимают характер реципрокности или регулярного взаимного обмена дарами. Таким образом, согласно идее М. Грановеттера, взяточничество развивается в тех странах, где статус чиновников ниже статуса предпринимателей. И, напротив, в обществах, где чиновники пользуются широким уважением, более распространены реципрокные обмены, попадающие под определение сетевой коррупции.

Гипотезы на индивидуальном уровне

Гипотеза М. Грановеттера может быть несколько переформулирована и проверена на индивидуальном уровне:

I.1: Чем выше в глазах индивида статус чиновника, тем с меньшей вероятностью он выступит инициатором дачи взятки и тем с большей вероятностью он вступит с чиновником в реципрокный обмен. И наоборот, чем выше в глазах респондента статус предпринимателя, тем с большей вероятностью он будет пытаться подкупить чиновника с помощью взяток.

Следующая гипотеза, которая может быть проверена на индивидуальном уровне, логически следует из природы обеих форм коррупции. Рыночная коррупция предполагает

во многом деперсонифицированный обмен, который, однако, не защищен никакими формальными или неформальными институтами. Поэтому, люди, вовлеченные в подобного рода коррупционные отношения, должны обладать достаточно высоким уровнем доверия к незнакомым людям.

Сетевая коррупция, напротив, базируется на том, что люди вступают в неформальные отношения лишь со знакомыми, и это защищает их от обмана. Следовательно, их основной характеристикой должно быть то, что они не доверяют незнакомцам. Таким образом, формулируем следующую гипотезу:

12.1: Доверие к незнакомым положительно связано с участием в рыночной коррупции и отрицательно связано с участием в сетевой коррупции.

Вовлеченность респондента в рыночную и сетевую коррупцию может также зависеть от его социальной и географической мобильности. С одной стороны можно предположить, что человек, который всю жизнь живет в одном и том же городе и работает в одной и той же компании, имеет больше времени и возможностей, чтобы выстроить длительные доверительные отношения с представителями власти. Любое его перемещение, как по географической так и по социальной шкале, влечет за собой разрыв устоявшихся связей. До тех пор, пока человек не обзаведется новыми «полезными знакомыми», он будет вынужден решать свои проблемы с помощью рыночной коррупции (если формальные институты недостаточно развиты). Из этого следует, что:

13. Более мобильные индивиды большей вероятностью будут участвовать в рыночной коррупции, чем в сетевой.

Сформулированная выше гипотеза оптимально описывает ситуацию наличия несвязанных между собой локальных групп, в которые входят чиновники и предприниматели. Если же на решения чиновников большое влияние оказывают люди, не входящие в данную локальную группу (представители вышестоящих инстанций, других ведомств, влиятельных групп и т.д.), то в более выгодной позиции окажутся предприниматели, обладающие наибольшим количеством «слабых связей» (Granovetter, 1973). Под «слабыми связями» имеются в виду менее близкие знакомые, которые выполняют функцию связующих мостов одних локальных сообществ с другими. Как показывает Грановеттер, большее количество слабых связей имеют более мобильные люди (Granovetter, 1992) и, следовательно, именно они с большей вероятностью будут прибегать к сетевой коррупции. Таким образом, можно сформулировать гипотезу, которая будет обратной Гипотезе 13

14. Более мобильные индивиды большей вероятностью будут участвовать в сетевой коррупции, чем в рыночной?

Мы также ожидаем некоторые различия в социально-демографических характеристиках людей, вступающих в рыночную и сетевую коррупцию. Пол, возраст,

образование, наличие семьи и характер профессии могут влиять на его выбор между двумя формами коррупции.

Данные и методология

Общее описание используемых данных

Основной базой данных, на которой мы будем измерять рыночную и сетевую формы коррупции, является находящиеся в свободном доступе данные обследования Life in Transition (LiTs). Это обследование проводилось EBRD два раза – в 2006 и в 2010 гг. Раунд 2010 г., содержит вопросы, необходимые для измерения и разделения рыночной и сетевой коррупции. Обследование охватывает 16 стран ЦВЕ и 11 стран СНГ. Кроме того, в раунд 2010 г. обследования для целей сопоставления были включены 5 стран Западной Европы (Франция, Германия, Италия, Швеция и Великобритания).

Выбор данных LiTs продиктован тем, что все другие известные нам и доступные международные обследования не позволяют разделять рыночную и сетевую коррупцию. (Другая база данных, которая также позволяет разделять рыночную и сетевую коррупцию - это данные последней волн WVS по России и Казахстану. Однако эти данные будут доступны только весной 2014 г.) Использование этих данных может выглядеть как некоторое ограничение предполагаемого анализа, так как наша выборка будет состоять из достаточно специфической группы стран с переходной экономикой. Это вряд ли позволит распространить наши выводы на все страны в мире. Однако такой выбор данных имеет и свои преимущества.

С одной стороны, выборка стран является достаточно гомогенной. В том числе, эти страны известны как страны с относительно высоким уровнем коррупции и схожим историческим бэкграундом (e.g., Sandholtz&Taagepera, 2005). С другой стороны, уровень общей коррупции все же сильно различается внутри данной выборки. В том числе, согласно нашим предварительным расчетам, заметно различаются и уровни рыночной и сетевой коррупции. Наличие в выборке стран Западной Европы позволяет также проводить параллели между странами с переходной экономикой и развитыми странами.

Измерение рыночной и сетевой коррупции

Данные LiTs позволяют измерять как *представления* людей о том, насколько распространена сетевая коррупция и рыночная коррупция в стране в целом, так и их *фактическое участие* в этих формах коррупции. Для анализа сетевой коррупции мы собираемся использовать следующие два вопроса:

(3.26) Некоторые люди, в силу характера своей профессиональной деятельности, положения в обществе или наличия нужных контактов, часто сталкиваются с просьбами оказать содействие и повлиять на принятие решений в пользу просителей. В целом, насколько важно в нашей стране иметь поддержку подобных людей, которые могут повлиять на принятие нужных решений в следующих ситуациях:

1) Получить хорошую работу в государственном секторе

- 2) Получить хорошую работу в частном секторе
- 3) Разрешить дело в суде по конфликту с соседом
- 4) Получить разрешения или другие документы, например паспорт.
- 5) Поступить в университет

Ответы на этот вопрос для каждой ситуации имеют 5 упорядоченных вариантов ответа, от «совсем не важно» до «крайне важно». Другой вопрос звучит как:

(3.28) Насколько вероятно, что вы лично прибегните к их помощи?

- 1) Мало вероятно5) Обязательно

[этот вопрос относится сразу ко всем вариантам, перечисленным в (3.26)]

Первый вопрос (3.26) позволяет выявить *представления* людей о том, насколько распространена сетевая коррупция. Второй вопрос позволяет оценить *фактическое участие* в сетевой коррупции.

Для анализа рыночной коррупции мы собираемся использовать следующие два вопроса:

(6.01) Как часто, такие люди как вы, прибегают к неформальным платежам или подаркам в следующих ситуациях?

- a) Взаимодействие с дорожной полицией
- b) Получение официальных документов от властей
- c) Разрешение гражданских споров
- d) Получение государственного образования (низшей и средней ступени)
- e) Получение государственного образования (высшая ступень)
- f) Получение медицинского обслуживания в государственной системе здравоохранения.
- g) Получение пособий по безработице
- h) Получение других социальных льгот

(6.04) Прибегали ли вы или кто-либо из членов вашей семьи к неформальным платежам в течении последних 12 месяцев в следующих ситуациях? (варианты ответа см. в вопросе 6.01).

Как в случае с сетевой коррупцией, первый вопрос позволяет выявить *представления* людей о том, насколько распространена рыночная коррупция. Второй вопрос позволяет оценить *фактическое участие* в рыночной коррупции.

Построение индексов сетевой и рыночной коррупции

На основе данных вопросов мы строим индексы восприятия и индексы участия в сетевой рыночной коррупции. На данном этапе мы предлагаем следующую методологию построения, которая может быть уточнена.

Индексы восприятия рыночной и сетевой коррупции основаны на блоках вопросов 3.26 и 6.01. На индивидуальном уровне данные индексы были получены путем сложения баллов по всем вопросам, относящимся к пункту 3.26 (индекс восприятия сетевой коррупции) и 6.01 (Индекс восприятия рыночной коррупции). В качестве агрегированной меры рыночной и сетевой коррупции мы использовали среднее значение этих индексов по каждой стране.

Для построения индексов участия в сетевой и рыночной коррупции мы используем одновременно оба вопроса 3.28 и 6.04. Мы строим индексы отдельно для каждого подвопроса, указанного в вопросе 6.04. Но из-за большого количества пропущенных значений мы работаем только с подвопросами b), d) и f).

Следуя нашим определениям сетевой и рыночной коррупции, мы разделяем всех респондентов на 4 основные группы. В первую из них входят респонденты, участвующие в сетевой коррупции (network corruption participants, NCP), то есть использующие личные знакомства для получения тех или иных благ. Часть из них решают свои проблемы исключительно с помощью связей, не прибегая к взяткам (Pure Network Corruption participants, PureNCP). Другая часть респондентов прибегают к обеим стратегиям: и к взяткам, и к связям (Mix Network Corruption participants (MixNCP)).

Во вторую выделенную нами группу входят люди, участвующие только в рыночной коррупции (market corruption participants, MCP). Они платят взятки, и не используют личные связи. Третью группу составляют «честные респонденты», не участвующие ни в сетевой, ни в рыночной (honest), коррупции. Наконец, четвертую группу составляют все респонденты, к которым эти вопросы не применялись (NA).

В группу NCP мы относили всех тех, кто ответил «очень вероятно» или «обязательно» на вопрос 3.28 о вероятности использования связей. Для построения этой группы нам не так важно, платил ли индивид взятки или нет, так как взяточничество внутри социальной сети является частью сетевой коррупции. Дополнительно, мы относим в эту группу тех, кто ответил на вопрос 3.28 «вероятно», и при этом выбравших варианты «обычно», «всегда» по более, чем трем вопросам из пяти, относящимся к пункту 3.26 (восприятие сетевой коррупции).

Внутри NCP мы выделяем две подгруппы. Подгруппу участвующих только в сетевой коррупции (PureNCP) составляют респонденты, ответившие на вопрос 6.04, что они не платили взятки. Ко второй подгруппе (MixNCP) мы относим людей, ответивших на вопрос 6.04 положительно.

В группу MCP мы относим тех, кто ответил на вопрос 3.28 о вероятности использования личных связей «совсем не вероятно» или «мало вероятно», и при этом ответил на вопрос 6.04, что платил взятки. В группу HONEST мы относим тех, кто ответил на вопрос 3.28 «совсем не вероятно» или «мало вероятно», и при этом ответил на вопрос 6.04, что НЕ платил взятки. В группе NA оказываются те, которым эти вопросы не задавались.

Для получения агрегированных показателей NCP (PureNCP и MixNCP), MCP и HONEST мы используем страновую долю соответствующих групп респондентов.

Измерение статуса предпринимателя и чиновника

Этот показатель мы измеряем с помощью вопроса Lits 5.26.

5.26 Представьте, что вы могли бы выбирать между различными профессиями. Какие бы профессии из предложенного списка вы выбрали?

- Самозанятый
- Работник малого частного предприятия
- Работник крупного частного предприятия
- Сотрудник государственного предприятия
- Госслужащий

Мы исходили из того, что если из всего предложенного списка респондент выбирает ту или иную работу, то она является наиболее привлекательной в его глазах и для этого респондента ее статус выше остальных.

Для получения агрегированных показателей, мы перекодировали вопрос 5.26 в две дамми переменные: «статус чиновника» чиновник -1, другое -0, «статус предпринимателя» - самозанятый -1, другое -0. Затем мы вычислили страновые доли респондентов, которые отмечали ту или иную профессию как наиболее привлекательную.

Измерение внутри и вне группового доверия

Индексы внутри и вне-группового доверия были построены по методологии, описанной в работе (Delhey, Newton, Welzel 2011). Оба индекса были получены путем сложения баллов по ряду вопросов о доверии, каждый из которых имел пятибалльную шкалу от 1-полное недоверие, до 5-полное доверие. Индекс внутри-группового доверия включает в себя переменные: доверие к семье, доверие к друзьям и знакомым, доверие к соседям. Индекс вне-группового доверия включает в себя переменные: доверие к людям, которых вы видите в первый раз, доверие к людям другой национальности, доверие к людям другой религии.

Методология

Микро-уровень

Для проверки наших гипотез на индивидуальном уровне мы будем оценивать мультиномиальную логит - модель следующего вида:

$$P(Y_i = MCP) = \frac{e^{X_i\beta_1}}{1 + e^{X_i\beta_1} + e^{X_i\beta_2}}$$

$$P(Y_i = PureNCP) = \frac{e^{X_i\beta_2}}{1 + e^{X_i\beta_1} + e^{X_i\beta_2}}$$

$$P(Y_i = MixNCP) = \frac{e^{X_i\beta_2}}{1 + e^{X_i\beta_1} + e^{X_i\beta_2}}$$

$$P(Y_i = Honest) = \frac{1}{1 + e^{X_i\beta_1} + e^{X_i\beta_2}}$$

где i относится к индивидам; Y_i может принимать одну из четырех форм (MCP, PureNCP, MixNCP или HONEST); X_i – набор регрессоров; β_1 и β_2 набор соответствующих коэффициентов, которые мы оцениваем. В этой модели группа HONEST берется за базовую группу.

Таким образом, мы планируем оценить, как различные индивидуальные характеристики (социальный статус чиновника в глазах респондента, вне-групповое и внутри-групповое доверие, а также мобильность) влияют на относительную вероятность участия в рыночной и сетевой коррупции:

$$\frac{P(Y_i = MCP)}{P(Y_i = HONEST)} = e^{X_i\beta_1}$$

$$\frac{P(Y_i = NCP)}{P(Y_i = HONEST)} = e^{X_i\beta_2}$$

Для анализа на индивидуальном уровне мы используем базу данных Lits. Основными регрессорами являются:

- Пол
- Возраст
- Доход (10 балльная шкала трансформированная в 5-ти балльную)
- Наличие работы (дамми переменная)
- Наличие семьи (дамми переменная)
- Наличие детей (дамми переменная)
- Тип населенного пункта (город, сельская местность, агломерация)
- Образование

- Статус чиновника и предпринимателя в глазах респондента. За базовую группу мы берем вариант ответа «самозанятый». Варианты ответов «государственный служащий» и «сотрудник государственной компании» мы объединяем в группу 4, так как обе эти категории указывают на статус профессий, тесно связанных с государственным сектором.
- Вне-групповое и внутри-групповое доверие.
- Географическая мобильность. Представляет собой дамми переменную: живет ли респондент всю жизнь в этом городе да=1, нет =0.

Макро-уровень

Так как используемые данные ограничены только одним моментом времени, все наши гипотезы мы проверяем на кросс - секции стран. Ввиду недостаточного количества наблюдений на страновом уровне (N=35), мы строим простые корреляции между уровнями сетевой и рыночной коррупции и различными страновыми характеристиками.

Результаты

На данном этапе, руководствуясь разработанной нами методологией, мы построили индексы восприятия и участия в рыночной и сетевой коррупции для всех стран, входящих в выборку LiTs 2010. Рэнкинги стран участия в обеих формах коррупции представлены на рис.1, рис.2 и рис. 3 (в приложении). К странам с наиболее высокой долей МСР относятся: Албания, Киргизия и Азербайджан.

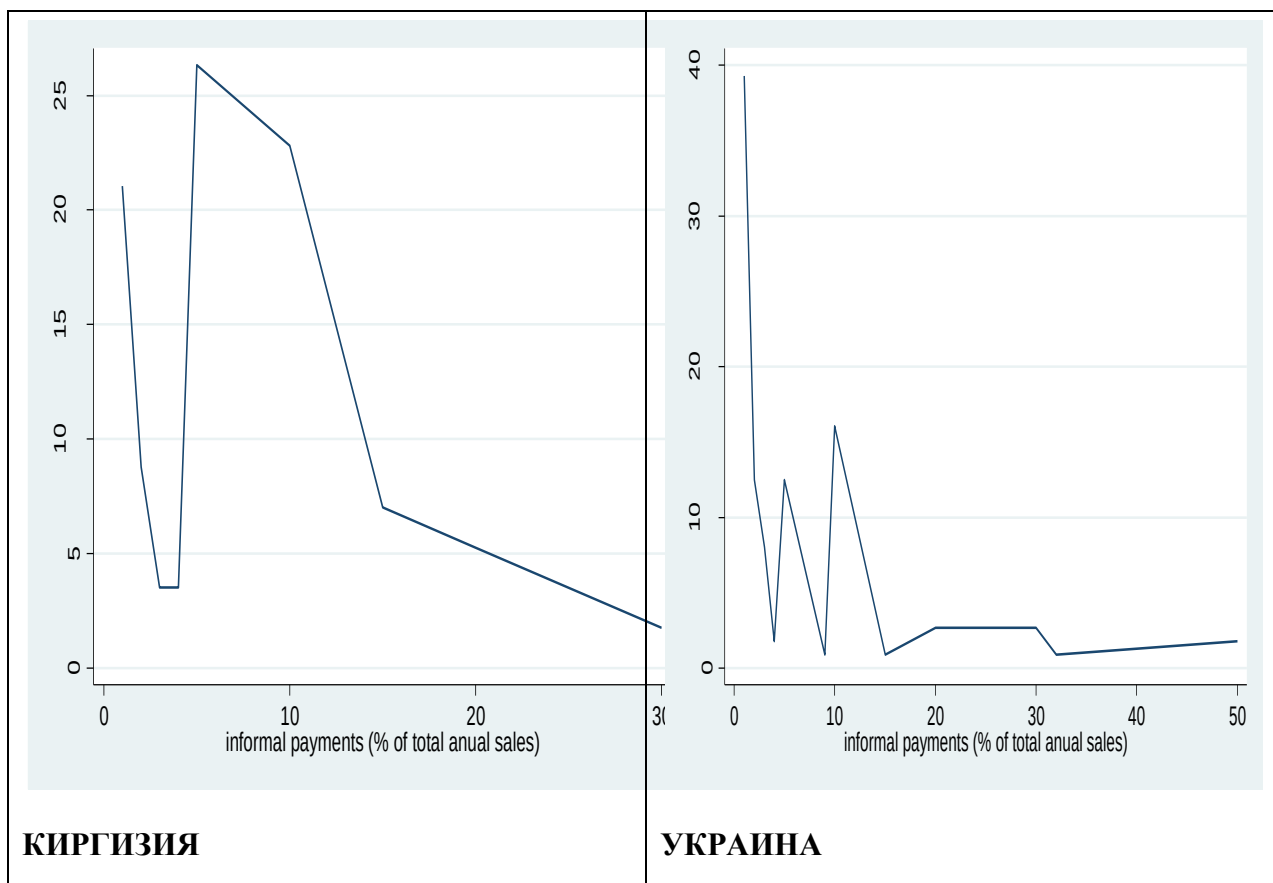
К странам с самой высокой долей сетевой коррупции (NCP) мы отнесли Армению, Македонию и Венгрию. Среди них чистая сетевая коррупция (PureNCP) наиболее распространена в Македонии, Венгрии и Боснии-Герцеговине. Интересным образом в рэнкингах стран с сетевой коррупцией и чистой сетевой коррупцией лидируют страны, входившие ранее в состав Югославии (Сербия, Македония, Босния-Герцеговина, Хорватия).

Классификация рыночной коррупции

К рыночной коррупции применимо разделение на мелкую и крупную коррупцию. Это разделение можно наблюдать на распределении фирм по объему финансовых средств, которые они тратят на неформальные платежи (рис. 4)².

Рис 4. Распределения фирм по объему финансовых средств, которые они тратят на неформальные платежи

² Источник данных: исследование BEEPS (Европейский Банк Реконструкции и Развития, Всемирный Банк) 2011 года.

В первую группу, для которой более характерен первый паттерн распределения, мы отнесли все страны, где доля фирм, тратящих много денег на взятки больше или равна доле фирм, которые расходуют относительно мало средств на неформальные платежи. Во вторую группу со вторым паттерном распределения мы отнесли страны, где доля фирм с несущественными расходами на взятки значительно превышает долю фирм, отводящих для коррупции значимое место в своем бюджете (таблица 2).

Согласно теории, государства, где существует рыночная коррупция, также отличаются по характеру насильственности коррупционных отношений. К странам, где коррупция чаще принимает форму прямых вымогательств, относятся Грузия, Азербайджан и Турция³ (рис. 5).

В нашей классификации мы также выделяем подгруппы стран с высокой (более распространенной) рыночной коррупцией, в то время как для стран с высокой (более распространенной) сетевой коррупцией подобное разделение не применяется. Чтобы протестировать эту классификацию на наших данных, мы выделили страны с самой большой долей МСР. Для этого был использован кластерный анализ методом к-средних, путем которого мы разделили переменную МСР на две части. В подгруппе стран с высокой долей рыночной коррупции можно наблюдать выделенные нами на теоретическом уровне «топ даун форму коррупции» и «свободную конкуренцию». К примерам «топ даун формы коррупции» можно отнести Азербайджан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан. Для этих стран характерно низкое качество формальных институтов госуправления. Индекс эффективности государства Мирового Банка составляет: Азербайджан (-0.78), Таджикистан (-0.93), Киргизстан (-0.61), Узбекистан (-

³ О построении индекса насильственности коррупции см. таблицу 1 в приложении

0.76)⁴. При этом во всех четырех странах госуправление строится на личной власти, а ключевые позиции в политике и в экономике занимают представители определенных семей. Азербайджаном с 1993 года руководит семья Алиевых: в 1993 году лидером государства стал Гейдар Алиев, а в 2003 власть была передана его сыну Ильхаму Алиеву. Во главе Таджикистана с 1992 года стоит Эмомали Рахмонов, а президентом Узбекистана с 1991 года является Ислам Каримов.

К этой же группе стран мы посчитали целесообразным причислить и Киргизию, являющуюся наиболее демократичной из всех новых государств Средней Азии. В отличие от других стран, в ней происходит смена власти. Первый президент Киргизии, правивший страной с 1990 года, был смещен со своего поста в 2005 году в результате кровавой Тюльпановой революции. Ему на смену пришел Курманбек Бакиев, а в 2010 руководство страной приняла на себя лидер оппозиции Роза Отунбаева. В 2010 году в Киргизии была проведена конституционная реформа, а в конце 2011 года избрано новое правительство и президент.

Однако, на протяжении всех этих лет Киргизия, как и другие новые государства Средней Азии, управлялась определенными кланами. Клан Акаевых контролировал не только политику, но и наиболее прибыльные отрасли экономики, такие как алкоголь, рынок горюче-смазочных и строительных материалов. Пришедший ему на смену Бакиев начал проводить политику, направленную на усиление контроля собственного клана над ограниченными политическими и экономическими ресурсами, что в последствии стоило ему должности. На сегодняшний день руководство Киргизией осуществляет президент Алмазбек Атамбаев, однако с момента его вступления в должность прошло еще недостаточно времени, чтобы проследить возможное изменение характера и объема коррупции в стране.

Таким образом, общей характеристикой всех стран, которые мы относим к топ-даун форме коррупции, является отсутствие эффективных формальных институтов госуправления, персоналистский характер власти и высокое значение кланов. Доминирующее положение в стране определенного клана обеспечивает ограниченный доступ к контролю над ресурсами и к извлечению коррупционной ренты. В этих странах элиты наделены широкими властными полномочиями, а общество изначально является подчиненной стороной. Таким образом, в ситуации топ-даун формы коррупции консолидированная власть наживается на более слабом населении.

Украину, Албанию, Молдавию и Монголию можно отнести к подгруппе государств со «свободной конкуренцией». Также как и в первой подгруппе, формальные институты государственного управления здесь относительно малоэффективны. Индекс эффективности государства (Government Effectiveness) равен: Украина (-0.82), Молдова (-0.58), Албания (-0.19), Монголия (-0.618). Однако, и авторитарный стиль правления не является характерным для этих стран. С момента основания государств и до сегодняшнего дня происходит регулярная смена политических лидеров. Уровень авторитарности власти также значительно ниже, чем во всех странах с топ-даун формой коррупции, исключая Киргизию (см. таблицу 2).

Таблица 3: Степень демократичности/авторитарности политического режима (индекс polity).

Свободная конкуренция	polity	Топ-даун форма коррупции	polity
Albania	9	Azerbaijan	-7
Moldova	8	Tajikistan	-3

^{4 4} Индекс качества государственного управления для анализируемых нами стран принимает значения от -1.59 до 1.83

Ukraine	6	Uzbekistan	-9
Mongolia	10	Kyrgyz Republic	7

Население этих стран проявляет большую политическую активность, чем население стран первой группы (см. таблицу 3).

Таблица 4: Доля людей, участвующих в массовых политических выступлениях (%) (Life in Transition II)

"Свободная конкуренция"		
country	разрешенные демонстрации	несанкционированные митинги
Albania	24	16
Moldova	16	16
Ukraine	20	15
Mongolia	20	15
"Топ-даун коррупция"		
Azerbaijan	6	2
Kyrgyzstan	13	7
Tajikistan	8	5
Uzbekistan	5	

В странах, относящихся к подгруппе «свободная конкуренция», могут проследиваться клановые черты в экономике и в политике. Однако в данном случае нельзя говорить о том, что определенная семья и узкий круг приближенных людей полностью контролирует не только политическую, но и экономическую сферу. В Молдавии и на Украине существует ряд крупных предпринимателей, оказывающих активное влияние на политику. Однако у них есть существенное отличие от представителей среднеазиатских правящих кланов, владеющих привлекательными экономическими активами. Оно заключается в том, что в Молдавии и на Украине многие влиятельные люди сначала состоялись как крупные предприниматели, и лишь потом стали участвовать в политике, а не наоборот. В качестве примера можно привести украинского миллионера Виктора Пинчука, который сначала разбогател на производстве стали, а потом начал заниматься политической деятельностью в украинском парламенте. Похожая биография у другого украинского олигарха Рината Ахметова. Свой первый миллион он заработал в 1992-1995 году на торговле углем, а на сегодняшний день он владеет контрольными пакетами акций более 100 предприятий, работающих в горно-металлургической, энергетической, телекоммуникационной и других отраслях. С 2006 по 2012 год он также был членом парламента. Наконец, примером молдавского крупного бизнесмена, занявшегося политической деятельностью, может быть бывший банкир, а ныне вице-председатель парламента Молдавии Владимир Плахотнюк. В Албании лобби крупного бизнеса в политике не столь заметно. Это может быть вызвано тем, что Албания является небольшой, слабо развитой, аграрной страной, где в сфере бизнеса нет столь богатых влиятельных фигур.

В Монголии на данный момент мы также не можем наблюдать полного контроля власти над бизнесом. Об этом свидетельствуют идущие в настоящее время криминальные расследования по делу «Золотого магната» Ц. Мянганбаяра и экс-президента инвестиционной компании группы «Жаст» Ш. Батхуу.

Таким образом, в странах, относящихся к подгруппе «свободная конкуренция», государственная власть является слабой во всех отношениях. В этих странах нет ни эффективных формальных государственных институтов, ни жесткой консолидированной

авторитарной власти. В подобных условиях, властные элиты не могут ограничивать ни доступ людей к коррупционным услугам, ни доступ представителей государства к извлечению и перераспределению коррупционной ренты. В результате коррупционные процессы приобретают форму свободной конкуренции, когда в каждом конкретном случае более сильная сторона использует в своих целях более слабую сторону.

В обеих рассматриваемых нами подгруппах коррупция отличается также по своему характеру. В странах с «топ-даун коррупцией» в большей степени, чем в странах со «свободной конкуренцией» представлена насильственная коррупция, когда чиновники открыто вымогают взятки (Таблица 5).

Таблица 5: Индекс насильственности рыночной коррупции

"Свободная конкуренция"		"Топ-даун форма"	
Moldova	0.396	Tajikistan	0.511
Albania	0.406	Kyrgyz Republic	0.538
Ukraine	0.497	Uzbekistan	0.583
Mongolia	0.283	Azerbaijan	0.656

Следующим отличием обеих подгрупп рыночной коррупции является то, что в большинстве стран со «свободной конкуренцией» (Украина, Молдавия, Монголия) расходы каждой отдельной фирмы на неформальные платежи сравнительно невелики, в то время как в странах с топ-даун формой коррупции (Таджикистан, Киргизия, Азербайджан) имеется большое количество фирм, расходующих много денег на взятки.

Преобладание сравнительно небольших размеров неформальных платежей над крупными может быть проявлением различных факторов. Во-первых, это может свидетельствовать о том, что властные элиты не имеют полного контроля над обществом, который позволил бы им в полной мере действовать согласно концепции «хищнического государства». Произвол властных группировок может быть ограничен за счет наличия некоего институционального бэкграунда, более частой сменяемости элит, присутствия достаточно сильных групп интересов в обществе. Приведенные доводы помогают объяснить, почему в подгруппе стран со «свободной конкуренцией» распределение фирм по объему неформальных платежей отличается от аналогичного распределения в большинстве стран с «топ-даун» формой коррупции.

Аналогичным образом, согласно концепции (Olson 1993) государства как стационарного бандита, рыночная коррупция в крупных масштабах может сдерживаться за счет стабильной сильной авторитарной власти.⁵ Это во многом объясняет преобладание мелкой коррупции над крупной в Узбекистане. Согласно индексу Поли, именно в этой стране установилась наиболее сильная авторитарная власть (см. Таблицу 3). Президент Узбекистана Ислам Каримов, бывший еще в советское время первым лицом республики (с 1989 года), является одним из рекорсменов по нахождению во власти среди постсоветских стран. При этом он считается одним из самых жестоких диктаторов. В прессе отмечаются частые случаи применения пыток и принудительного

⁵ Под стационарным бандитом имеются в виду государственные элиты, которые контролируют ситуацию в стране, ощущают стабильность своего положения и рассчитывают оставаться у власти долгое время. Они заинтересованы в извлечении коррупционной ренты из населения, но в то же время в долгосрочной перспективе им не выгодно обнищание граждан, так как в этом случае они потеряют значительную долю своего коррупционного дохода. Соответственно стратегия стационарного бандита заключается в поиске компромисса между жадой моментальной наживы и необходимостью заботиться о благосостоянии людей. Наиболее опасным видом государства является гастрوليрующий бандит. Элиты в подобных государствах ощущают нестабильность своего положения и не руководствуются долгосрочными стратегиями. Поэтому они ничем не ограничены в своем стремлении использовать населения с целью извлечения личной прибыли (Olson 1993).

психиатрического лечения к несогласным в современном Узбекистане. Согласно же отчёту Организации Объединённых Наций, в судебной системе систематически практикуются пытки. Действия Ислама Каримова при подавлении беспорядков в Андижане в 2005 года были осуждены Европейским Союзом за чрезмерное, непропорциональное и неразборчивое применение силы. Можно предположить, что жесткий узбекский лидер имеет больше возможностей контролировать размер коррупционных доходов элит и не давать им подниматься выше определенного уровня, так как это может обернуться существенным сокращением коррупционной ренты в долгосрочном периоде.

Сравнение сетевой и рыночной коррупции.

Корреляция между индексом участия (восприятия) в рыночной коррупции и индексом участия (восприятия) в сетевой коррупции является положительной, но не значимой. Неожиданным образом между индексом чистой сетевой коррупции и индексом рыночной коррупции наблюдается значимая отрицательная корреляция (см. рис. 6). Это говорит о том, что люди четко различают эти две формы коррупции, и в различных условиях прибегают к той или иной стратегии решения возникающих проблем с чиновниками.

Анализ дескриптивной статистики по странам с высокой рыночной коррупцией и высокой сетевой коррупцией (обе группы выделены на основе кластерного анализа методом к-средних) показывает, что страны с высокой сетевой коррупцией во всех отношениях являются более благополучными, чем страны с высокой рыночной коррупцией. В них выше уровень социально-экономического развития, лучше качество институтов госуправления и регулирования бизнеса, выше уровень демократии и политической стабильности и меньше размер теневой экономики (рис.7)

В качестве следующего шага мы постарались проанализировать факторы, влияющие на сетевую и рыночную коррупцию, с помощью корреляционного анализа. Прежде всего следует отметить, что индексы восприятия обеих форм коррупции положительно коррелируют с индексом восприятия коррупции, составленным Всемирным Банком (Control of corruption index). Однако для рыночной коррупции соответствующий коэффициент корреляции выше, чем для сетевой. Это хорошо согласуется с тем, что CCI в первую очередь меряет именно рыночную форму коррупции (анализ корреляций представлен в таблице 6, см. приложение).

Участие в рыночной и сетевой коррупции положительно коррелирует с соответствующими показателями восприятия обеих форм коррупции. При этом коэффициент корреляции между восприятием и участием в рыночной коррупции выше коэффициента корреляции между восприятием и участием в сетевой коррупции. Это может быть связано с тем, что сетевая коррупция является более скрытой формой и респондентам сложно адекватно оценивать ее масштабы.

Интересным результатом представляется то, что все индексы сетевой коррупции не коррелируют с большинством используемых нами страновых показателей, которые согласно теории, связаны с коррупцией. Напротив, индексы рыночной коррупции весьма чувствительны к этим факторам. Данное наблюдение свидетельствует о том, что рыночная коррупция в отличие от сетевой представляет собой более конъюнктурное явление, которое быстрее реагирует на изменение внешнего контекста.

В частности рыночная коррупция отрицательно связана с уровнем экономического развития, качеством государственных институтов, размером теневой экономики и демократией. Чистая сетевая коррупция положительно коррелирует лишь с антикоррупционным контролем. Таким образом, гипотеза A2.2. о том, что сетевая

коррупция может быть реакцией на подавление рыночной коррупции в условиях недостаточно развитой институциональной среды, согласуется с нашими данными.

Переходя к анализу культурных факторов, следует отметить, что с долей протестантов в стране отрицательно коррелируют лишь индексы восприятия рыночной и сетевой коррупции. Индексы участия в обеих формах коррупции не связаны с этим показателем. Аналогичным образом с долей последователей иерархических религий положительно коррелируют лишь оба индекса восприятия коррупции. Полученные результаты обосновывают необходимость дополнительной эмпирической проверки с использованием показателя участия в коррупции обнаруженной Трейсманом (Treisman 2000) зависимости между восприятием коррупции и протестантизмом.

Гипотеза А7 не согласуется с нашими данными, так как нам не удалось обнаружить значимых корреляций между обеими формами коррупции и социальными статусами чиновника и предпринимателя. Однако направление связи указывает на то, что рыночная коррупция более распространена в странах с высоким статусом предпринимателей и низким статусом чиновников, в то время как чистая сетевая коррупция превалирует в странах с более высоким статусом чиновников и более низким статусом предпринимателей.

Для того, чтобы окончательно отвергнуть либо подтвердить гипотезу А7, необходим анализ на микро уровне, позволяющий проконтролировать как индивидуальные особенности респондента, так и страновые отличия. По тем же причинам мы предпочитаем использовать анализ на микроуровне для изучения ряда других факторов, влияющих на обе формы коррупции, которые можно измерить на уровне индивидов.

Анализ на микроуровне.

В качестве первого шага мы провели анализ дескриптивной статистики с целью выявить характеристики респондентов участвующих в рыночной (сетевой) коррупции или воспринимающих рыночную (сетевую) коррупцию как крайне распространенную (Таблица 7). Одним из наших наблюдений стало то, что участники обеих форм коррупции и респонденты, заявляющие о высоком уровне этого феномена, несколько отличаются между собой. Респонденты с высоким индексом восприятия обеих форм коррупции относительно чаще бывают безработными, имеют меньший доход и низший уровень образования по сравнению с непосредственными участниками коррупционных процессов.

Если сравнивать участие в обеих формах коррупции, то средний доход респондентов, вовлеченных в сетевую коррупцию, несколько ниже дохода участников рыночной коррупции. Уровень образования, напротив, выше у участников сетевой коррупции по сравнению с участниками рыночной коррупции.

Ряд характеристик участников сетевой коррупции указывает на то, что эти люди с большей вероятностью имеют широкий круг общения и большое количество «слабых связей». В группах НСР больше доля городских жителей, чем сельских, молодых людей, чем пожилых, людей, переехавших из другого населенного пункта, чем коренных жителей. Участники сетевой коррупции чаще живут без семьи, что говорит о наличии у них большего количества свободного времени и возможностей для новых знакомств. Участники рыночной коррупции имеют противоположные характеристики.

Участники сетевой коррупции заняты, как правило, в тех областях экономики, которые предполагают частые контакты с людьми. Чистая сетевая коррупция чаще встречается в ритейле, гостиничном бизнесе и сфере образования. Смешанный тип сетевой коррупции распространен также в строительстве и оптовой торговле. Рыночная коррупция

встречается как в сферах, связанных с частыми социальными контактами (ритейл, продажа и ремонт транспортных средств), так и в сферах экономики, где взаимодействия лицом к лицу происходят относительно редко (сельское хозяйство, охота и рыбная ловля, лесное хозяйство). «Честные» респонденты чаще всего заняты в сфере госуправления, здравоохранения и образования.

Следующим различием является то, что уровень внутри-группового доверия выше у респондентов, участвующих в сетевой коррупции по сравнению с участниками в рыночной коррупции. При этом мы не наблюдаем четких различий между этими двумя группами в уровне вне-группового доверия. В группе PureNCP вне-групповое доверие немного выше, чем в группе MCP. Однако, в группе MixNCP оно несколько ниже, чем в MCP.

В группе участников в рыночной коррупции выше доля желающих быть предпринимателями, чем в группах NCP. Из этого можно сделать вывод, что статус предпринимателя выше в MCP, чем в NCP. Напротив, статус чиновника выше в группах NCP. Это говорит о том, что теория М. Грановеттера (гипотезы A7 и I1) может найти свое подтверждение на индивидуальных данных.

Результаты мультиномиальной логистической регрессии согласуются с наблюдениями, полученными путем анализа дескриптивной статистики (таблица 8). Наиболее устойчивой связью, проявляющейся практически во всех спецификациях нашей модели, стала корреляция между вне-групповым и внутри-групповым доверием и обеими формами коррупции. Респонденты с высоким уровнем вне-группового доверия с меньшей вероятностью будут участвовать в сетевой коррупции (PureNCP-все спецификации, MixNCP-спецификации 1 и 3) по сравнению с базовой группой (HONEST). Следовательно гипотеза I2 подтвердилась относительно сетевой коррупции.

Однако относительно рыночной коррупции гипотеза I2 не соответствует нашим данным. Вне-групповое доверие не влияет на шансы респондента участвовать в рыночной коррупции. Участие в рыночной коррупции гораздо в большей степени зависит от вариации внутри-группового доверия. Снижение внутри-группового доверия увеличивает вероятность вовлеченности респондента в рыночную коррупцию по сравнению с базовой группой (все спецификации). Таким образом, сетевая коррупция связана прежде всего с недостатком вне-группового доверия, в то время как рыночная коррупция вызвана недоверием респондента к своему ближайшему окружению.

На этом фоне несколько неожиданно выглядит тот факт, что респонденты проживающие в сельской местности с меньшей вероятностью будут участвовать в сетевой коррупции, чем городские жители. Согласно здравому смыслу, подтвержденному расчётами на наших данных, в сельской местности наблюдается высокое внутри-групповое и низкое вне-групповое доверие, что казалось бы создает идеальные условия для развития сетевой коррупции.

На наш взгляд, полученный нами результат можно объяснить тем, что в сельской местности конкуренция между людьми за получение тех или иных благ значительно ниже. По сравнению с городскими жителями они в меньшей степени претендуют на поступление в престижный ВУЗ, на высокооплачиваемую интересную работу, на высококачественные медицинские услуги и т.д., поэтому у них меньше стимулов вступать в какие бы то ни было коррупционные отношения. Даже если амбициозные сельские жители и будут участвовать наравне с горожанами в конкуренции за ограниченные блага, они вряд ли смогут прибегнуть к своему социальному капиталу, накопленному в замкнутом сельском сообществе. Следовательно, у сельских жителей меньше шансов участвовать в сетевой коррупции.

Изначально мы ожидали, что сельские жители также с меньшей вероятностью будут участвовать в рыночной коррупции. Как и в случае с сетевой коррупцией мы исходили из того, что в сельской местности ниже конкуренция между людьми за ограниченные блага, и ниже уровень экономической активности. Отношения между чиновниками и населением в городе носит также более деперсонифицированный характер, что способствует распространению рыночной коррупции (Мосап 2004).

Наши результаты лишь частично согласуются с изначальными ожиданиями. Проживание в сельской местности уменьшает шансы участия в рыночной коррупции в сфере образования (спецификация 2). Однако, сельские жители с большей вероятностью вовлечены в рыночную коррупцию, чем горожане при получении документов, лицензий и т.д. (спецификация 1). Отсутствие четкого паттерна связи между рыночной коррупцией и характеристиками населенного пункта, на наш взгляд, может быть связано с тем, что горожане более образованны и в меньшей степени поддаются вымогательствам. Кроме того, в некоторых областях в городе может быть выше антикоррупционный контроль и более распространены электронные средства взаимодействия с государством.

Гипотеза II находит подтверждение на наших данных в большинстве спецификаций нашей модели. В спецификациях 1 и 2 мы видим, что люди, в чьих глазах статус чиновника выше статуса предпринимателя, с меньшей вероятностью будут участвовать в рыночной коррупции. Эти же респонденты с большей вероятностью предпочтут участвовать в сетевой коррупции (см. спецификации 2 и 3 PureNCP и 1 и 3 MixNCP).

Гипотеза I4 лучше согласуется с нашими данными, чем гипотеза I3. Мобильность респондента (переезд из родного города) увеличивает его шансы участия в сетевой коррупции, и не оказывает значимого влияния на вероятность вовлеченности в рыночную коррупцию. Впрочем, данный результат проявляется лишь в спецификации 3 PureNCP и MixNCP, то есть он применим лишь к участию в сетевой коррупции в сфере здравоохранения. Несмотря на недостаточную устойчивость этого наблюдения, мы можем предположить, что сетевая коррупция в большей степени основана на «слабых связях».

Косвенным подтверждением того, что сетевая коррупция построена на слабых связях, является отрицательное влияние возраста на вероятность участия в сетевой коррупции. Можно ожидать, что более молодые респонденты имеют больший круг знакомых и больше связей с различными социальными группами.

Отсутствие семьи увеличивает шансы участия в сетевой коррупции и уменьшает вероятность вовлеченности в рыночную коррупцию (этот результат также не достаточно устойчив и присутствует лишь в спецификации 2 PureNCP и в спецификации 3 MCP) Как было показано ранее, люди, состоящие в браке, обладают меньшим количеством социального капитала, так как семейные обязанности занимают много времени. Кроме того, у семейных людей ниже потребность в поиске общения за пределами семьи. (Bolin 2003). По этим причинам женатые (замужние) респонденты имеют меньше возможностей участия в сетевой коррупции.

Наше наблюдение о том, что семейные люди чаще оказываются вовлечены в рыночную коррупцию согласуется с полученными ранее результатами (Мосап 2004). Это можно объяснить тем, что наличие семьи с одной стороны повышает потребность взаимодействия с государством (для получения образовательных, медицинских услуг для детей, оформление семейной собственности и т.д.), а с другой стороны сокращает возможности приобретения социального капитала.

Не исключено также, что полученный результат связан с формулировкой вопроса об участии в рыночной коррупции. Респондента спрашивали, приходилось ли ему **или членам его семьи** давать взятку представителям государства. Соответственно, семейные респонденты с большей вероятностью могли дать на этот вопрос положительный ответ.

Наличие детей не влияет на шансы респондента участвовать в рыночной коррупции, и повышает вероятность участия в чистой сетевой коррупции в сфере образования. Возможным объяснением является то, что наличие детей увеличивает число социальных контактов с представителями сферы образования, что позволяет родителям решать проблемы «по знакомству».

Неожиданным образом, доход не оказывает влияние на рыночную коррупцию и отрицательно связан с чистой сетевой коррупцией (в спецификации 3 коэффициенты при всех дамми переменных, указывающих на доход, отрицательные и значимые. В спецификациях 1/2 также все коэффициенты при дамми переменных отрицательные, но часть из них не значима). Первое наблюдение противоречит выводам предыдущих работ, в которых было показано, что более богатые люди чаще платят взятки, так как к ним чаще обращаются с подобными предложениями (Mosca 2004).

Тот факт, что люди с меньшим доходом с большей вероятностью участвуют в сетевой коррупции, может объясняться тем, что низкодоходные группы, не имеющие возможности заплатить взятку, ищут альтернативные способы решения проблем, прибегая к социальному капиталу.

В теоретической литературе большее распространение получил альтернативный взгляд на влияние экономического капитала на социальный. Согласно принципу Бурдьё (Бурдьё 2002 (1983)) о взаимной конвертируемости капиталов, между ними существует положительная зависимость, то есть богатые люди имеют больше возможностей заводить полезные связи.

Полученный нами результат может быть связан с низкой долей обеспеченных респондентов в нашей выборке. Как бы то ни было, наш анализ показывает, что недостаток экономического капитала может стимулировать накопление капитала социального.

Уровень образования отрицательно коррелирует с вероятностью участия в рыночной коррупции (данную связь мы можем наблюдать лишь в сфере образования спецификация 2). Этот результат согласуется с существующей литературой, где было показано, что образованные люди менее толерантны к таким противозаконным действиям, как взяточничество (Swamy et al. 2001).

Связь между образованием и вероятностью участия в чистой сетевой коррупции является положительной (спецификации 1 и 2 PureNCP). Полученный результат можно объяснить с точки зрения теории социального капитала. В ряде работ было показано, что образование положительно влияет на размер социального капитала (Kaasa, Parts 2008, Soroka, Helliwell, Johnston 2003). Для этого есть несколько причин. Во-первых, более образованные люди чаще входят в состав разного рода формальных и неформальных организаций и групп. Во-вторых, если незнание вызывает страх, то образование помогает преодолевать подозрительность и недоверие к другим людям. Таким образом, более образованные респонденты обладают большим социальным капиталом и большей возможностью участвовать в сетевой коррупции.

На нашей выборке в большинстве спецификаций мы не находим значимой связи таких характеристик как пол и наличие работы с обеими формами коррупции. Это не

согласуется с результатами, полученными другими исследователями. В частности было показано, что мужчины чаще участвуют в коррупции, чем женщины (Swamy et al. 2001, Mosap 2004) так как они более терпимо относятся к нелегальной деятельности (Mosap, Rees 1999) и чаще сталкиваются с чиновниками в силу своей большей активности на рынке труда. Женщины же обладают несколько большим уровнем доверия (Halman L., Luijkx 2006), чем мужчины, и следовательно с большей вероятностью могли бы участвовать в сетевой коррупции. Работающие люди чаще имеют контакты с чиновниками, что увеличивает их шансы быть вовлеченными в коррупционные отношения в любом их проявлении (Mosap 2004).

Заключение

В данной работе мы отходим от традиционного подхода к изучению коррупции, как к некому единому феномену, который встречается во многих странах. Проблему различной трактовки коррупции в разных обществах мы предлагаем решить за счет выделения на теоретическом уровне различных групп практик, которые мы, как исследователи, будем относить к коррупционным. Это позволяет отличать исследовательское понятие коррупции от того смысла, который сами респонденты вкладывают в это определение. Предложенное решение обеспечивает возможность проведения межстрановых исследований, минимизируя при этом риск того, что в каждом обществе мы будем иметь дело с различным набором коррупционных практик.

Как показало проведенное исследование, выделенные нами рыночная и сетевая формы коррупции заметно различаются по своей природе. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что между участием в рыночной и сетевой коррупции нет значимой корреляции, а корреляция между участием в рыночной и в чистой сетевой коррупции является отрицательной.

Подтверждая результаты предыдущих исследований, мы приходим к выводу, что рыночная коррупция сопровождается ухудшением социально-экономических условий. Эта форма коррупции получает большее распространение при снижении уровня экономического развития, ухудшении качества государственных институтов, сокращении демократических свобод, увеличении политической нестабильности и росте теневой экономики.

Сетевая коррупция не коррелирует со всеми вышеперечисленными факторами. Единственной значимой корреляцией, которую нам удалось обнаружить – это положительная корреляция между чистой сетевой коррупцией и строгостью антикоррупционного контроля. Если сравнивать страны с высокой рыночной коррупцией со странами с высокой сетевой коррупцией, то оказывается, что по всем анализируемым показателям социально-экономические условия являются более благоприятными в странах с высокой сетевой коррупцией. Таким образом, переход от рыночной к сетевой коррупции можно считать реакцией на некоторое улучшение социально-экономического контекста, а также на ужесточение антикоррупционной политики в условиях недостаточно эффективных формальных правил.

Интересные результаты были получены на микроуровне. Мы приходим к выводу, что, во-первых, к рыночной коррупции более склонны индивиды с низким уровнем внутри-группового доверия. Во-вторых, в их глазах статус профессии предпринимателя значительно выше статуса профессии чиновника. Эти два, казалось бы, не связанных между собой результата, характеризуют участника рыночной коррупции как атомизированного индивида, не доверяющего даже своему ближайшему окружению и не признающего отношения власти. На наш взгляд, к участникам рыночной коррупции хорошо применимо введенное Дюркгеймом понятие аномического индивидуализма

(anomic individualism) (Durkheim 1893), которое предполагает, что индивид действует лишь из своего эгоистического, утилитарного интереса. Он не склонен кооперировать с другими людьми, если он не видит в этом собственной выгоды. По этой причине он не может поддерживать длительные отношения, предполагающие компромиссы, даже с самыми близкими и плохо встраивается во властную иерархию.

Аномический индивидуализм получает наиболее широкое распространение в переходные периоды, когда существовавшие ранее внутригрупповые ценности начинают отходить на второй план, а новые еще не успели сформироваться (Lash 2002). Ситуацию распада внутригрупповых ценностей в ранний постсоветский период в России хорошо описывает Алена Леденева:

«Многие респонденты рассказывали нам, что наметилась тенденция к разрыву социальных связей. Если в 1991-1992 годах друзья считались наиболее надежными партнерами по бизнесу, то уже в 1994 году риторика дружбы перевернулась с ног на голову – «не стоит вести бизнес с друзьями, иначе дружба будет потеряна.

.....Тюремный девиз «не верь, не бойся, не проси» стал девизом предпринимателей (Ledeneva 1998: 195).Отрывки из интервью: Понимание того, что человек должен пожертвовать собственным интересом ради дружбы если еще и не исчезло полностью, то в ближайшие годы обязательно исчезнет. ... Раньше если мне делали услугу, я отвечал взаимной услугой. Если этой услуги было недостаточно, то я предлагал другую услугу. Сейчас же я плачу деньги и никакой головной боли. Сегодня надо скорее не иметь 100 друзей, а иметь 100 рублей. А точнее 100 долларов» (Ledeneva 1998: 197).

Как показывает А. Леденева, распад социальных связей и исключение из близкого круга общения всех кроме членов семьи в ранний постсоветский период спровоцировали переход от сетевой коррупции к рыночной.

Согласно полученным нами результатам, в сетевой коррупции с большей вероятностью участвуют респонденты с низким уровнем вне-группового доверия. При этом, чем выше в глазах человека статус чиновника, тем с большей вероятностью он будет участвовать в сетевой коррупции. Последний вывод объясняется теорией Грановеттера о том, что предложение денежной взятки свидетельствует о нежелании взяткодателя продолжать дальнейшие отношения с конкретным чиновником, как с лицом, низшим по статусу. По этой причине респондент, в чьих глазах статус чиновника относительно высок, с большей вероятностью предложит чиновнику некую услугу, чем взятку, предпочитая сетевую коррупцию рыночной.

Результаты, полученные на индивидуальном уровне, позволяют предположить, что сетевая коррупция развивается в более социально структурированных обществах, где есть четкие границы между ин и аут-группой, а также сформировавшиеся отношения власти. Наличие большого количества людей, участвующих в сетевой коррупции, не следует считать однозначно негативным явлением.

Напротив, общества, где преобладает сетевая коррупция имеют больше шансов перехода к честным правилам, чем страны, где велика доля атомизированных субъектов-участников рыночной коррупции. Согласно теории одним из необходимых условий для создания коллективных благ, таких как честное государство, является высокий уровень вне-группового доверия (Fukuyama 2002). При этом на сегодняшний день в литературе побеждает точка зрения о том, что высокий уровень внутри-группового доверия является обязательным, хотя и недостаточным условием для роста вне-группового доверия (Freitag & Traunmueller 2009, Bahry et al. 2005, Glanville and Paxton 2007, Delhey, Welzel 2012). Авторы объясняют это тем, что прежде чем начать доверять *каждому*, надо сначала

научиться доверять *кому-либо*. Таким образом, вне-групповое доверие с большей вероятностью будет расти в странах, где люди доверяют своему ближнему окружению и участвуют в сетевой коррупции, чем в атомизированных обществах с распространенной рыночной коррупцией.

Проведенный нами анализ индивидуальных причин рыночной и сетевой коррупции дает основания предполагать, что сетевая коррупция в большей степени основана на «слабых связях», чем на «сильных». Об этом свидетельствует тот факт, что участники сетевой коррупции реже остаются жить в родном городе, где живут их родственники и близкие друзья. Кроме того, они более молодые и чаще не имеют семьи, что свидетельствует о большем количестве свободного времени в их распоряжении, повышенной потребности в общении, и, следовательно, большей вероятности наличия случайных знакомых за пределами узкого круга друзей и родных. Косвенным подтверждением значения слабых связей для сетевой коррупции, является то, что деревенские жители, имеющие преимущественно сильные связи, с меньшей вероятностью участвуют в сетевой коррупции, чем горожане.

Академическая ценность нашей работы заключается в том, что, как мы надеемся, она может способствовать пересмотру унифицированного подхода к сравнительным исследованиям коррупции, а также появлению новых междисциплинарных баз данных, позволяющих выделять различные формы неформальных отношений. Это позволит лучше изучить природу коррупции, а также дать более точный ответ на извечный вопрос «засоряет или смазывает коррупция колеса экономики».

Проведенное исследование дает также возможность сделать несколько практических выводов относительно антикоррупционной политики. Во-первых, на наш взгляд, жесткие меры по борьбе со взяточничеством, направленные против рыночной коррупции, в условиях недостаточно развитой институциональной среды вряд ли принесут желаемый результат. Они лишь повлекут за собой трансформацию рыночной коррупции в сетевую. В условиях неэффективных формальных институтов борьба с сетевой коррупцией, выраженная в сокращении возможностей установления длительных отношений между представителями власти и населением (например, ротация чиновников), также вряд ли будет способствовать появлению эффективного государства. При отсутствии жестких санкций за взятки это может привести к всплеску рыночной коррупции. При их наличии – к замедлению экономической активности в стране.

По этой причине следует делать упор не на борьбу с конкретными проявлениями обеих форм коррупции, а на устранение их причины - на улучшение качества формальных институтов.

Однако, сами коррумпированные чиновники вряд ли заинтересованы в улучшении институциональной среды, поэтому проблема коррупции не может быть решена без активного участия общества.

Таким образом, косвенный положительный эффект для борьбы с коррупцией могут иметь меры, направленные на повышение внутри и вне-группового доверия в обществе в целом и между населением и чиновниками в частности. Для повышения внутри-группового доверия, имеет смысл создавать дополнительные формальные и неформальные площадки, где могло бы происходить непосредственное общение между гражданами, бизнесом и чиновниками. В данном случае повышение доверия к знакомым чиновникам может способствовать росту доверия к другим представителям государства.

Повышение уровня вне-группового доверия может быть связано как с расширением внутри-группового доверия, так и иметь самостоятельные причины (Delhey, Welzel 2012).

Одним из ключевых самостоятельных факторов, стимулирующих вне-групповое доверие, является участие граждан в «мероприятиях открытого доступа», то есть в коллективных действиях, к которым каждый гражданин имеет равный доступ. Делей и Вельцель относят к ним демонстрации, коллективные петиции и бойкоты. Доля участников в мероприятиях открытого доступа является отражением процессов расширения прав и возможностей человека (human empowerment). Таким образом, развитие подобных коллективных инициатив является шагом в сторону создания честного общества с эффективно работающими социальными институтами.

Борьба с коррупцией не возможна без кардинального улучшения институциональной среды, ключевая роль в котором отведена гражданам. Ценности и нормы людей, их готовность проявлять гражданскую и политическую активность, представляются особенно важными в странах с протяженной территорией и большим государственным аппаратом, который сложно регулировать и контролировать исключительно административными методами. Если же борьба с коррупцией будет ограничиваться популистскими кампаниями, организованными властью, мы будем иметь дело с бесконечным перетеканием одних форм неформальных отношений в другие.

Библиография

1. Бурдые П. 2002 Формы капитала. *Экономическая социология* Том 3, № 5, ноябрь 2002: 60-75
2. Alatas, S. H. 1990, *Corruption: Its Nature, Causes and Consequences*, Aldershot, Avebury.
3. Bahry, D., M. Kosolapov, P. Kozyreva & R.K. Wilson. 2005. Ethnicity and Trust. *American Political Science Review* 99: 521–32.
4. Bailey, D.H. 1966. The effects of corruption in a developing nation. *Western Political Quarterly* 19: 719–732. Reprint in A.J. Heidenheimer, M. Johnston and V.T. Le Vine (Eds.), *Political corruption: A handbook*, 934–952 (1989). Oxford: Transaction Books.
5. Banfield E.. 1958 *The Moral Basis of a Backward Society* New York: Free Press.
6. Bardhan, P. 2006, *The Economist's Approach to the Problem of Corruption*. *World Development* 34(2), 341–48.
7. Beare, M. E. 1997, *Corruption and Organized Crime: Lessons from History*, *Crime, Law and Social Change* 28, 155–72.
8. Bellow, A. 2004 *In praise of nepotism*. Random House Digital, Inc., 2004.
9. Blackburn, K., Sarmah, R., 2008. Corruption, development and demography. *Economics of Governance* 9, 341–362.
10. Blackburn K, and G. Forgues-Puccio (2009) Why is corruption less harmful in some countries than in others? *Journal of Economic Behavior and Organization*, Vol.72, 797-810
11. Bolin K. et al. 2003 Investments in social capital—implications of social interactions for the production of health. *Social Science & Medicine*. T. 56. №. 12.: 2379-2390.
12. Boissevain J. 1966. Patronage in Sicily. *Man. New Series*, Vol. 1, No. 1 (Mar., 1966):18-33
13. Campos, J.E., Lien, D., Pradhan, S., 1999. The impact of corruption on investment: predictability matters. *World Development* 27, 1050–1067.
14. Delhey J., Newton K., Welzel C. How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*. 2011. T. 76. №. 5.: 786-807.
15. Delhey, J., Welzel, C. 2012. Generalizing Trust - How Outgroup-Trust Grows Beyond Ingroup-Trust. *World Values Research* 5 (3): 49-74 <http://www.worldvaluessurvey.org>
16. Dreher A., Schneider F. 2010 Corruption and the shadow economy: an empirical analysis. *Public Choice*. T. 144. №. 1-2.: 215-238.
17. Dreher A., and M. Gassebner (2013) Greasing the wheels? The impact of regulations and corruption on firm entry. *Public Choice*, 155: 413-432.
18. Durkheim E. 1893 1984. *The Division of Labour in Society*, translated by W. D. Halls. New York: Free Press.

19. Evans P. 1989, Predatory, Developmental and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State. *Sociological Forum*, Vol.4 No.4, Special Issue: Comparative National Development: Theory and Facts for the 1990s (Dec., 1989): 561-587
20. Freitag, M. & R. Traunmüller. 2009. Spheres of Trust. *European Journal of Political Research* 48: 782–803.
21. Frye T., Yakovlev A., Yasin Y. 2009. The .Other. Russian Economy: How Everyday Firms View the Rules of the Game in Russia. *Social Research: An International Quarterly of the Social Sciences* 2009 N 1: 29-54.
22. Fukuyama, F. 2002. Social Capital. In L.E. Harrison & S.P. Huntington (eds.), *Culture Matters*. New York: Basic Books: 99-111.
23. Glanville, J.L. & P. Paxton. 2007. How Do We Learn to Trust? *Social Psychology Quarterly* 70: 230–42.
24. Granovetter M. S. 1973. The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*. 78 (6): 1360–1380.
25. Granovetter M. 1992. The Sociological Approaches to Labor Market Analysis: A Social Structural View. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds). *The Sociology of Economic Life*. Boulder: Westview Press: 233–263.
26. Granovetter M. 2007. The social construction of corruption. On capitalism.
27. Halman L., Luijkx R. 2006 Social capital in contemporary Europe: evidence from the European Social Survey. *Portuguese Journal of Social Science*. T. 5. №. 1.: 65-90.
28. Heidenheimer AJ. 1970. The Context of Analysis. In Arnold J. Heidenheimer, ed., *Political Corruption: Readings in Comparative Analysis*. New Brunswick, NJ: Transaction Books. Huntington S. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
29. Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. 2000. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. *Policy Research Working Paper*. The World Bank Institute Governance, Regulation, and Finance Division And Europe. Central Asia Region Public Sector Group. European Bank of Reconstruction and Development Office of the Chief Economist.
30. Huntington S. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
31. Hutchcroft P. 1991. Oligarchs and Cronies in the Philippine State: The Politics of Patrimonial Plunder. *World Politics*, Vol. 43, No. 3 (Apr., 1991): 414-450.
32. Johnston, M. 1986, The political consequences of corruption: a reassessment. *Comparative politics* 18.4: 459-477.
33. Johnston M. 2005. *Syndromes of Corruption: Wealth, Power, and Democracy*. Cambridge University Press
34. Kaasa A., Parts E. 2008 Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe Differences between Country Groups. *Acta sociologica*. 2008. T. 51. №. 2.: 145-168.
35. Kang D. 2002 *Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines*. Cambridge University Press.
36. Kravtsova M, 2012. Corruption in Police: Changes in Police-Enterpreneurs Rraltions *Ekonomicheskaya Sociologia*, Vol. 13. № 2., 82-98. (in Russian).
37. Lambsdorff, J. 2006 Causes and consequences of corruption: What do we know from a cross-section of countries? In S. Rose-Ackerman (Ed.), *International handbook on the economics of corruption* (pp. 3–51). Cheltenham, UK: Edward Elgar.
38. La Porta R. et al. 1999, The quality of government . *Journal of Law, Economics, and organization*. T. 15. №. 1. C. 222-279.

39. Lash S. 2002 Individualization in a non linear mode. Foreword to Beck U. *Individualization: Institutionalized individualism and its social and political consequences*. Sage, 2002. T. 13.
40. Ledeneva A. 1998. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Russian, Soviet and Post-Soviet Studies. Cambridge: Cambridge University Press.
41. Ledeneva A. Shekshnia S. 2011 Doing Business in Russia: Informal Practices and Anti-Corruption Strategies. *Russie. Nei. Visions* N 58
42. Leff N. 1964. Economic Development through Bureaucratic Corruption. *American Behavioral Scientist*, 8: 291-303.
43. Lemarchand R. Legg K. 1968. Political Clientelism And Development. In *Corruption in the developing world*. Edited by Robert Williams and Robin Theobald.
44. Lipset S. M., Lenz G. S. 2000. Corruption, Culture and Markets in *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. Edited by Harrison L. and Huntington.
45. Lui, F.T. 1985. An equilibrium queuing model of bribery. *Journal of Political Economy* 93: 760–781.
46. Marshall, M. K. Jagers and T. Gurr (2011). "Polity IV Project (Data Users' Manual).", available at <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.
47. Mauro P. 1995. Corruption and Growth. *Quarterly Journal of Economics*. 110: 681–712.
48. McIlwain J., (1999) Organized crime: A social network approach *Crime, Law and Social Change* Vol. 32, No.4, 301-323.
49. McMullan M. 1961. Corruption in the Public Services of British Colonies and Ex-Colonies in West Africa. In Arnold J. Heidenheimer, ed., *Political Corruption: Readings in Comparative Analysis*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1970.
50. Meon P. G., Sekkat K. 2005. Does corruption grease or sand the wheels of growth? *Public Choice* (2005) 122: 69–97.
51. Mo, P.H., 2001. Corruption and economic growth. *Journal of Comparative Economics* 29, 66–97.
52. Mocan H. N., Rees D. I. Economic conditions, deterrence and juvenile crime: Evidence from micro data. *American Law and Economics Review*. 2005. T. 7. №. 2. : 319-349.
53. Montinola, GR, Jackman RW., 2002. Sources of corruption: a cross-country study. *British Journal of Political Science*, Cambridge Univ Press.
54. Morris, S 1999. Corruption and the Mexican political system: Continuity and change. *Third World Quarterly* 20.3: 623-643.
55. Morris S. 2008. Disaggregating Corruption: A Comparison of Participation and Perceptions in Latin America with a Focus on Mexico. *Bulletin of Latin American Research*, Vol. 27, No. 3, 388–409.
56. Morris S. 2011 Forms of corruption. CESifo DICE Report 2/2011
57. North D. 1981 *Growth and structural change* . New York Norton.
58. Nye J.S. 1967. Corruption and Political Development: A Cost–Benefit Analysis. In *Political corruption: readings in comparative analysis*. Ed. By Arnold J. Heidenheimer: Holt, Rinehart and Winston, 1970.
59. Olken B., 2009 Corruption Perception vs. Corruption Reality. *Journal of Public Economics*, Vol.93, 7-8: 950-964.
60. Olson, M. 1993 Dictatorship, democracy, and development. *American Political Science Review*: 567-576.
61. Peng Y. Kinship Networks and Entrepreneurs in China's Transitional Economy. *American Journal of Sociology*, Vol. 109, No. 5 (March 2004): 1045-1074
62. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. 1994. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton university press.
63. Redlawsk D. McCann J. 2005. Popular Interpretations of 'Corruption' and their Partisan Consequences. *Political Behavior*. September 2005, Volume 27, Issue 3: 261-283
64. Robinson, M. 1998, Corruption and Development: An Introduction, in M. Robinson, ed., *Corruption and Development*, Frank Cass, London, 1–14.

65. Rose-Ackerman S. (ed.). 2006. International Handbook of the Economics of Corruption. Cheltenham: Edward Elgar.
66. Rose R., Mishler W. 2010 Experience versus perception of corruption: Russia as a test case. *Global Crime* T. 11. №. 2. : 145-163.
67. Sandholtz W. and R. Taagepera 2005 Corruption, Culture, and Communism. *International Review of Sociology* Vol. 15, No. 1, 109-131.
68. Scott C. J. 1969. The Analysis of Corruption in Developing Nations. *Comparative Studies in Societies and History*. 11 (3): 315–341.
69. Shleifer A., Vishny R. W. 1993. Corruption. *Quarterly Journal of Economics*. 108: 599–617
70. Schneider F., Buehn A., Montenegro C. E. *Shadow Economies all over the World: New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007*. Santiago. 2010.

71. Schramm, M. Taube M. 2003 The Institutional Economics of legal institutions, Guanxi, and Corruption in the PR China. In *Fighting Corruption in Asia: Causes, Effects and Remedies* Ed. by John Kidd , Frank-Jurgen Richter. World Scientific Publishing.
72. Soroka S. N., Helliwell J. F., Johnston R. 2003 Measuring and modelling trust. *Diversity, Social Capital and the Welfare State*.
73. Swamy, A., S., Knack, Y. Lee and O., Azfar 2001 Gender and corruption. *Journal of Development Economics* Vol. 64, 25–55.
74. Treisman D. 2000 The causes of corruption: a cross-national study. *Journal of public economics*. 2000. T. 76. №. 3.: 399-457.
75. Wedeman, A., 2002. Development and corruption: the East Asian paradox. In: Gymez, E.T. (Ed.), *Political Business in East Asia*. Routledge, London, pp.34–61.
76. Wertheim W. F. 1963. Sociological Aspects of Corruption in Southeast Asia. In *Political corruption : readings in comparative analysis*. Ed. By Arnold J. Heidenheimer: Holt, Rinehart and Winston, 1970.
77. Williams R. 1976. The problem of corruption: a conceptual and comparative analysis. In *Corruption in the developing world*. Edited by Robert Williams and Robin Theobald. Cheltenham : Edward Elgar, 2000.
78. Wraith R. Simpkins E. 1964. Nepotism and bribery in West Africa. In *Corruption in the developing world*. Edited by Robert Williams and Robin Theobald. Cheltenham : Edward Elgar, 2000.
79. Yan, Y. 1996 The Culture of Guanxi in a North China Village, in *The China Journal*, vol. 35, pp. 1-25.
80. Zhan J.V. 2012. Filling the gap of formal institutions: the effects of Guanxi network on corruption in reform-era China. *Crime Law and Social Change*, September 2012, Volume 58, Issue 2: 93-109

Приложение:

Рис.1 Распределение стран по доле участников в сетевой коррупции

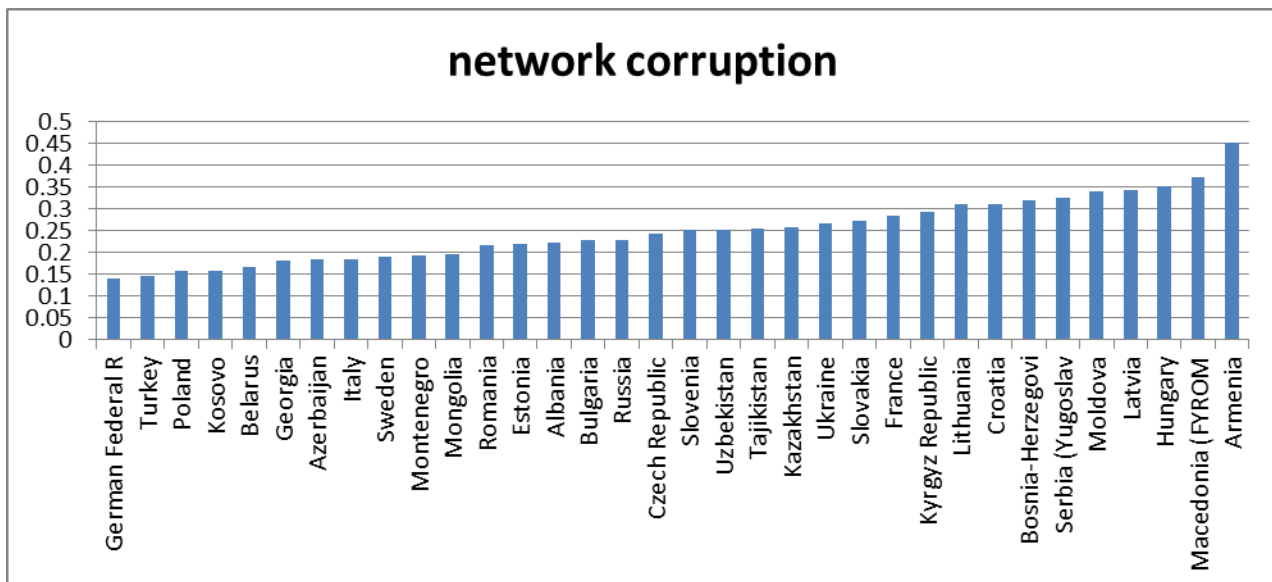

Рис.2 Распределение стран по доле участников в чистой сетевой коррупции (Pure Network Corruption).

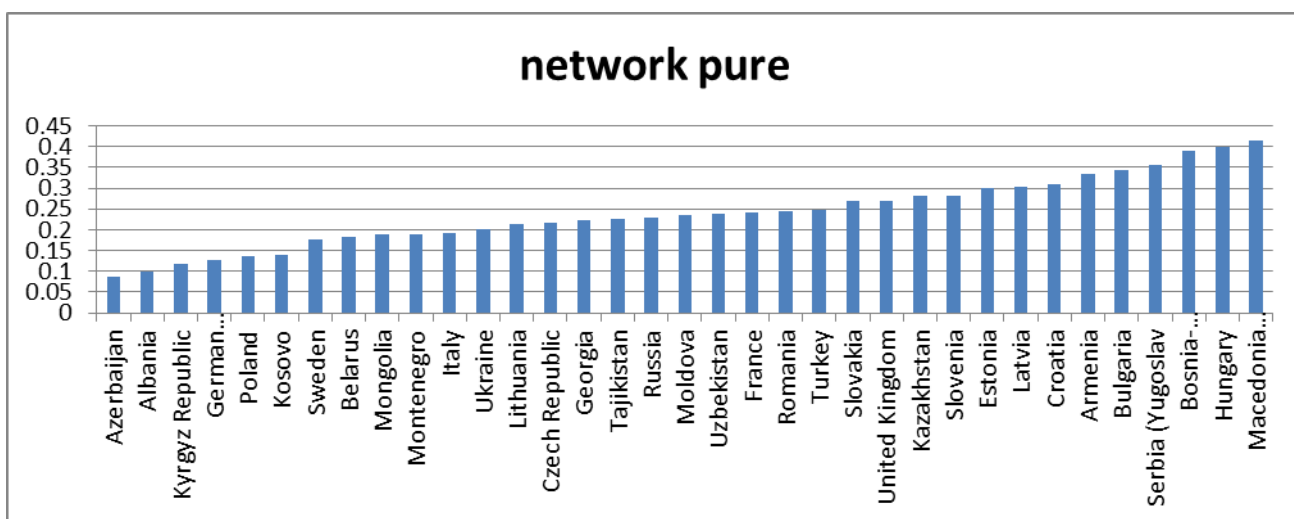

Рис.3 Распределение стран по доле участников в рыночной коррупции

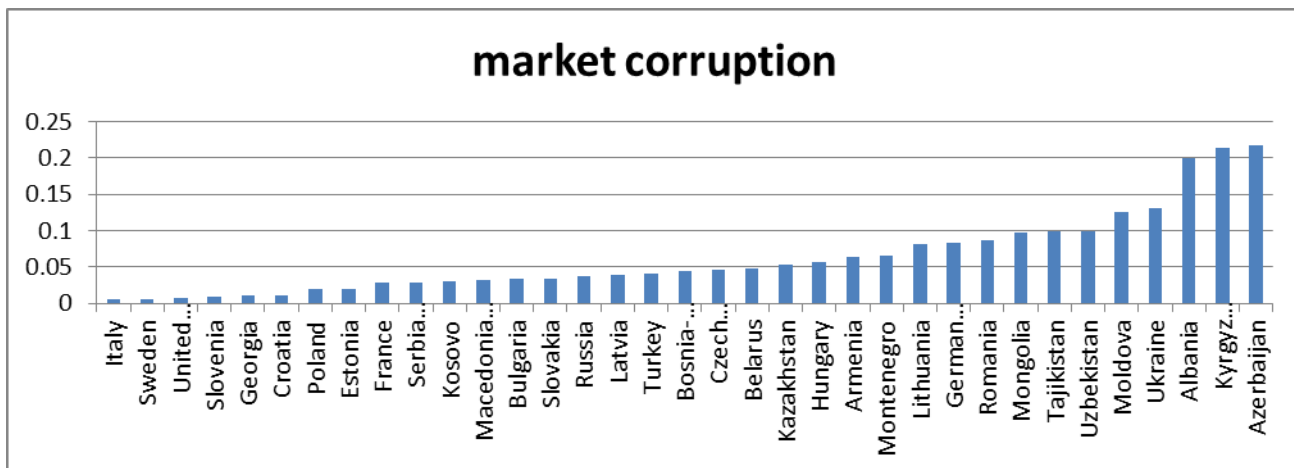

Рис. 5 Распределение стран по характеру насильственности коррупционных действий.

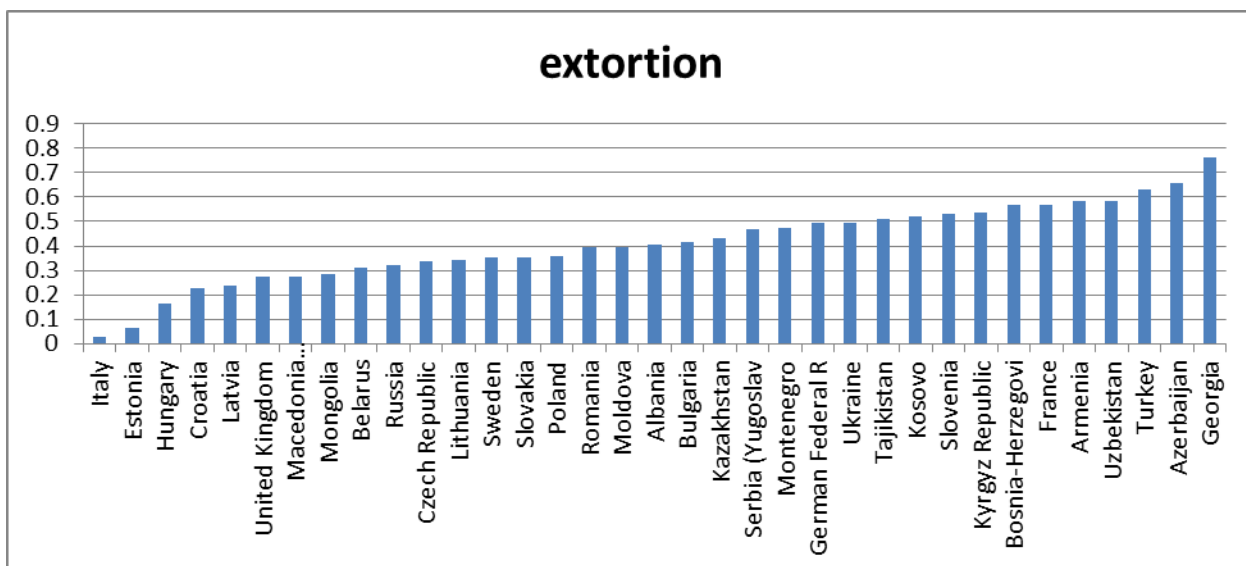

Рис. 6 Корреляция между чистой сетевой коррупцией и рыночной коррупцией

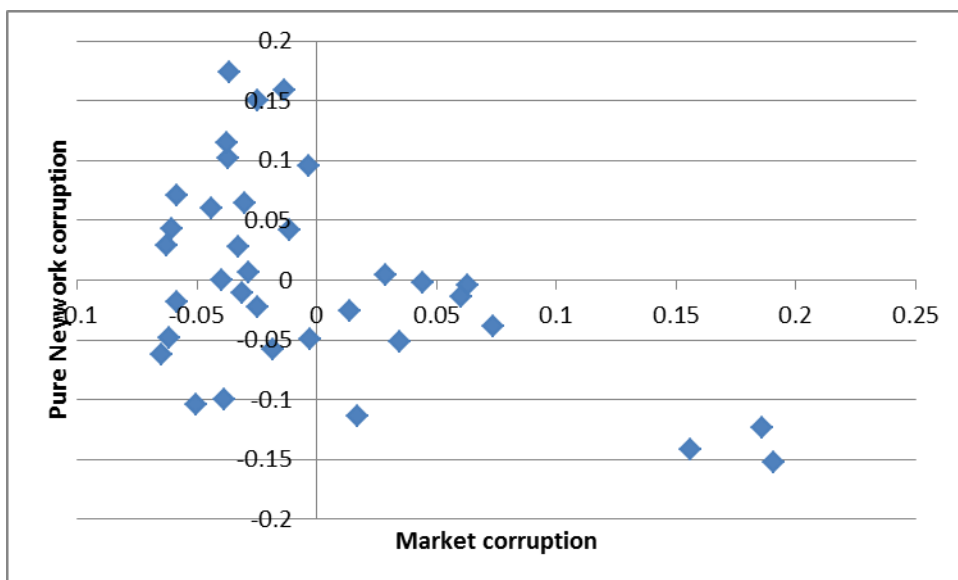
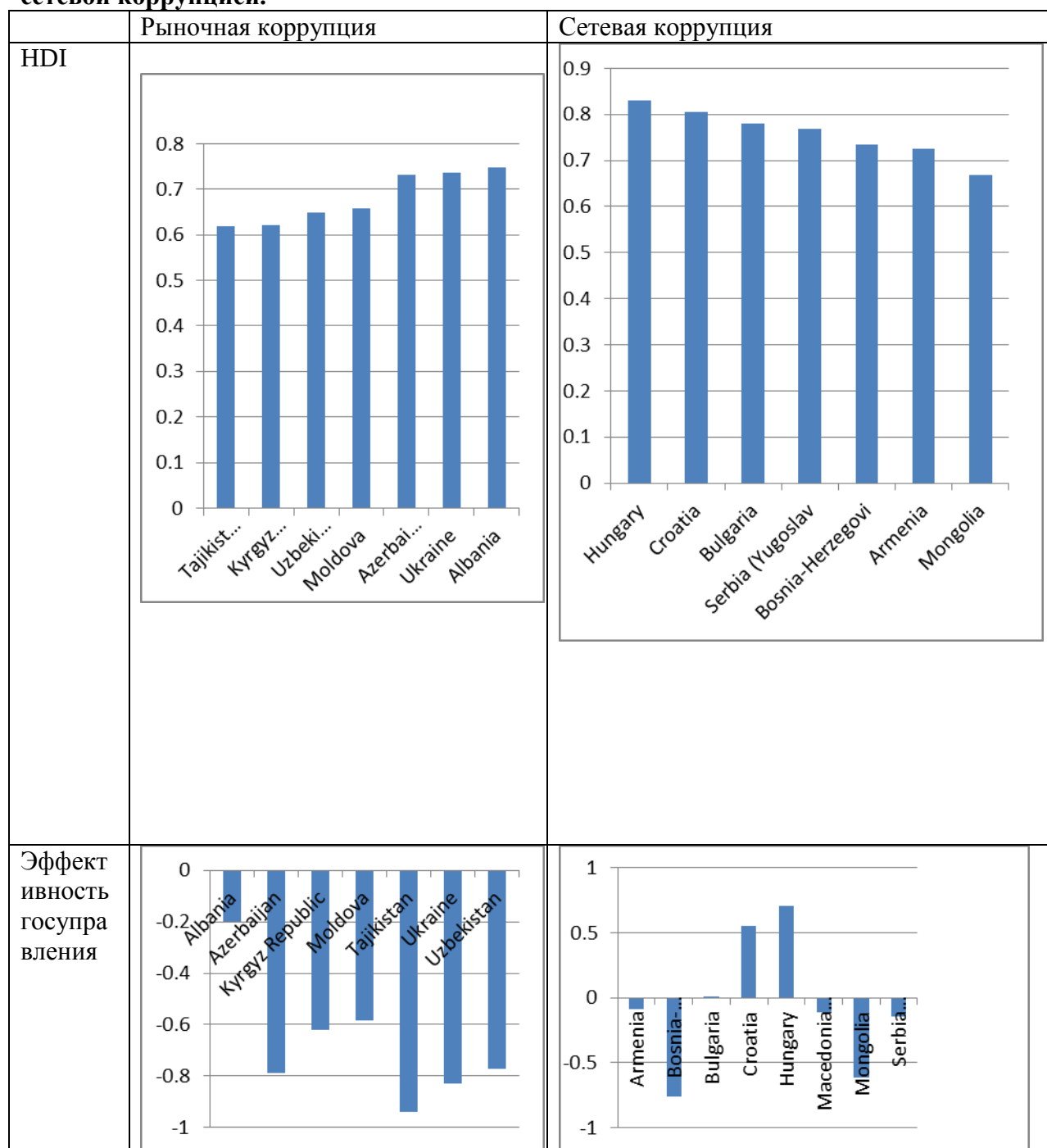
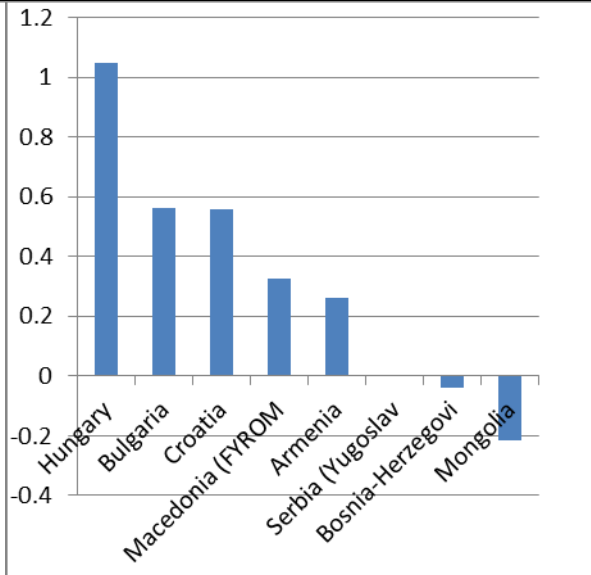
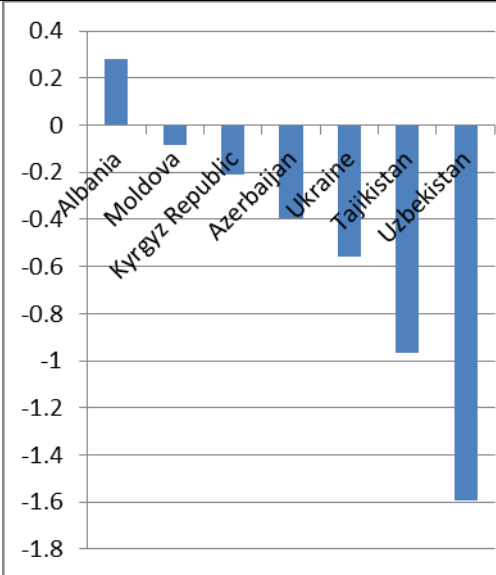

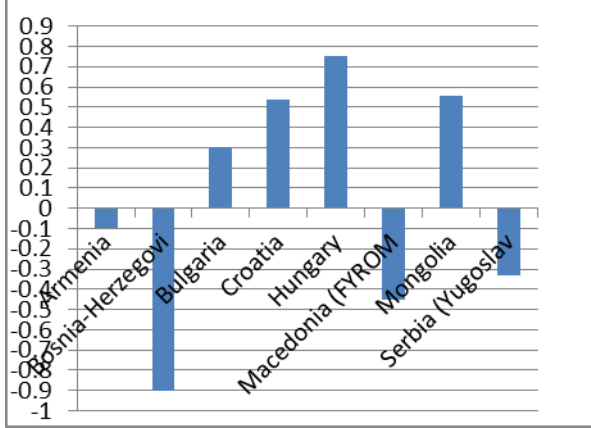
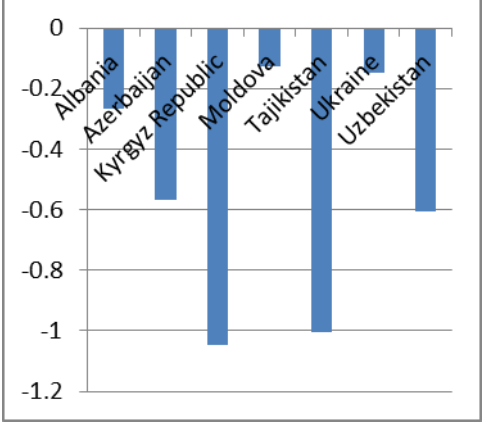
Рис. 7: Различия в социально-экономическом контексте в странах с рыночной и сетевой коррупцией.

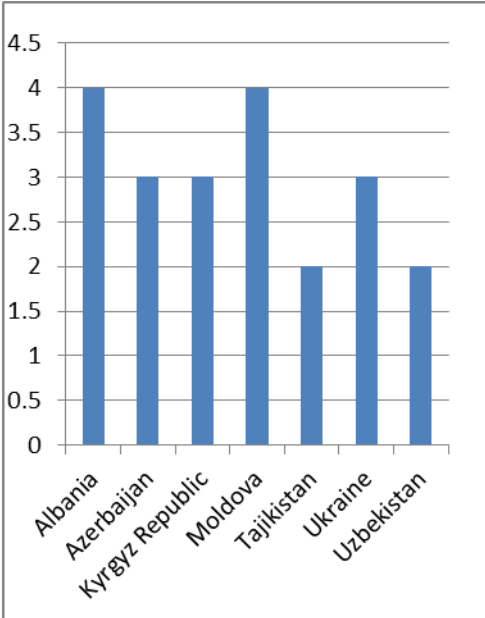
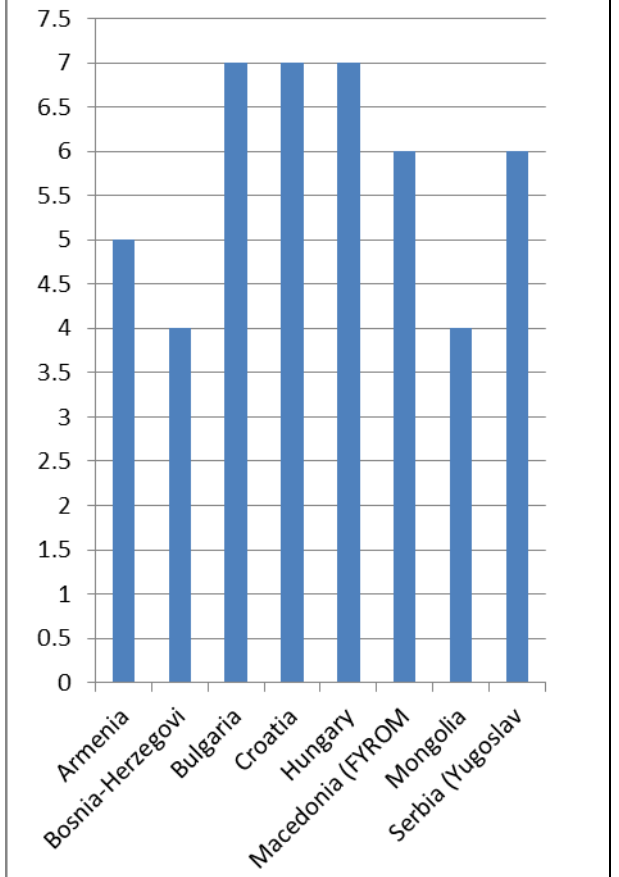
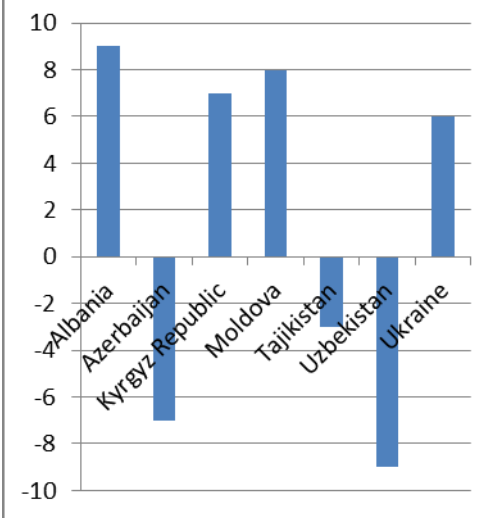
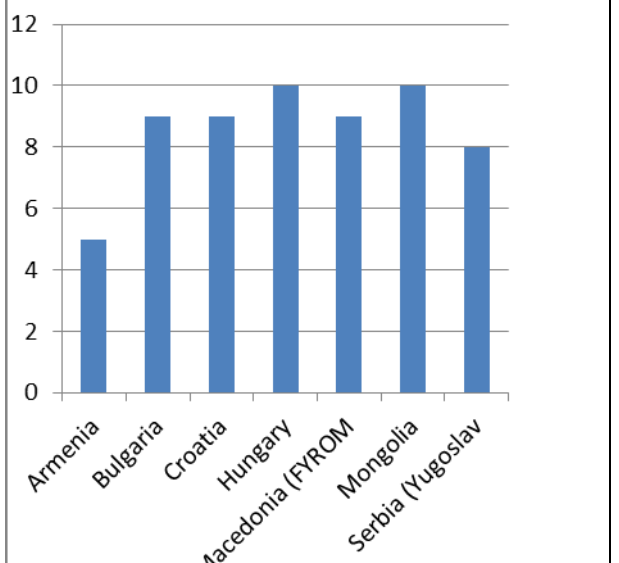

Качество
регу-
лирования
бизнеса

Полити-
ческая
нестабильность
и
насилие

Антикоррупционный контроль	 <table><tr><th>Country</th><th>Score</th></tr><tr><td>Albania</td><td>4.0</td></tr><tr><td>Azerbaijan</td><td>3.0</td></tr><tr><td>Kyrgyz Republic</td><td>3.0</td></tr><tr><td>Moldova</td><td>4.0</td></tr><tr><td>Tajikistan</td><td>2.0</td></tr><tr><td>Ukraine</td><td>3.0</td></tr><tr><td>Uzbekistan</td><td>2.0</td></tr></table>	Country	Score	Albania	4.0	Azerbaijan	3.0	Kyrgyz Republic	3.0	Moldova	4.0	Tajikistan	2.0	Ukraine	3.0	Uzbekistan	2.0	 <table><tr><th>Country</th><th>Score</th></tr><tr><td>Armenia</td><td>5.0</td></tr><tr><td>Bosnia-Herzegovina</td><td>4.0</td></tr><tr><td>Bulgaria</td><td>7.0</td></tr><tr><td>Croatia</td><td>7.0</td></tr><tr><td>Hungary</td><td>7.0</td></tr><tr><td>Macedonia (FYROM)</td><td>6.0</td></tr><tr><td>Mongolia</td><td>4.0</td></tr><tr><td>Serbia (Yugoslav)</td><td>6.0</td></tr></table>	Country	Score	Armenia	5.0	Bosnia-Herzegovina	4.0	Bulgaria	7.0	Croatia	7.0	Hungary	7.0	Macedonia (FYROM)	6.0	Mongolia	4.0	Serbia (Yugoslav)	6.0
Country	Score																																			
Albania	4.0																																			
Azerbaijan	3.0																																			
Kyrgyz Republic	3.0																																			
Moldova	4.0																																			
Tajikistan	2.0																																			
Ukraine	3.0																																			
Uzbekistan	2.0																																			
Country	Score																																			
Armenia	5.0																																			
Bosnia-Herzegovina	4.0																																			
Bulgaria	7.0																																			
Croatia	7.0																																			
Hungary	7.0																																			
Macedonia (FYROM)	6.0																																			
Mongolia	4.0																																			
Serbia (Yugoslav)	6.0																																			
Авторитарность/Демократичность	 <table><tr><th>Country</th><th>Score</th></tr><tr><td>Albania</td><td>9.0</td></tr><tr><td>Azerbaijan</td><td>-7.0</td></tr><tr><td>Kyrgyz Republic</td><td>7.0</td></tr><tr><td>Moldova</td><td>8.0</td></tr><tr><td>Tajikistan</td><td>-3.0</td></tr><tr><td>Uzbekistan</td><td>-9.0</td></tr><tr><td>Ukraine</td><td>6.0</td></tr></table>	Country	Score	Albania	9.0	Azerbaijan	-7.0	Kyrgyz Republic	7.0	Moldova	8.0	Tajikistan	-3.0	Uzbekistan	-9.0	Ukraine	6.0	 <table><tr><th>Country</th><th>Score</th></tr><tr><td>Armenia</td><td>5.0</td></tr><tr><td>Bulgaria</td><td>9.0</td></tr><tr><td>Croatia</td><td>9.0</td></tr><tr><td>Hungary</td><td>10.0</td></tr><tr><td>Macedonia (FYROM)</td><td>9.0</td></tr><tr><td>Mongolia</td><td>10.0</td></tr><tr><td>Serbia (Yugoslav)</td><td>8.0</td></tr></table>	Country	Score	Armenia	5.0	Bulgaria	9.0	Croatia	9.0	Hungary	10.0	Macedonia (FYROM)	9.0	Mongolia	10.0	Serbia (Yugoslav)	8.0		
Country	Score																																			
Albania	9.0																																			
Azerbaijan	-7.0																																			
Kyrgyz Republic	7.0																																			
Moldova	8.0																																			
Tajikistan	-3.0																																			
Uzbekistan	-9.0																																			
Ukraine	6.0																																			
Country	Score																																			
Armenia	5.0																																			
Bulgaria	9.0																																			
Croatia	9.0																																			
Hungary	10.0																																			
Macedonia (FYROM)	9.0																																			
Mongolia	10.0																																			
Serbia (Yugoslav)	8.0																																			

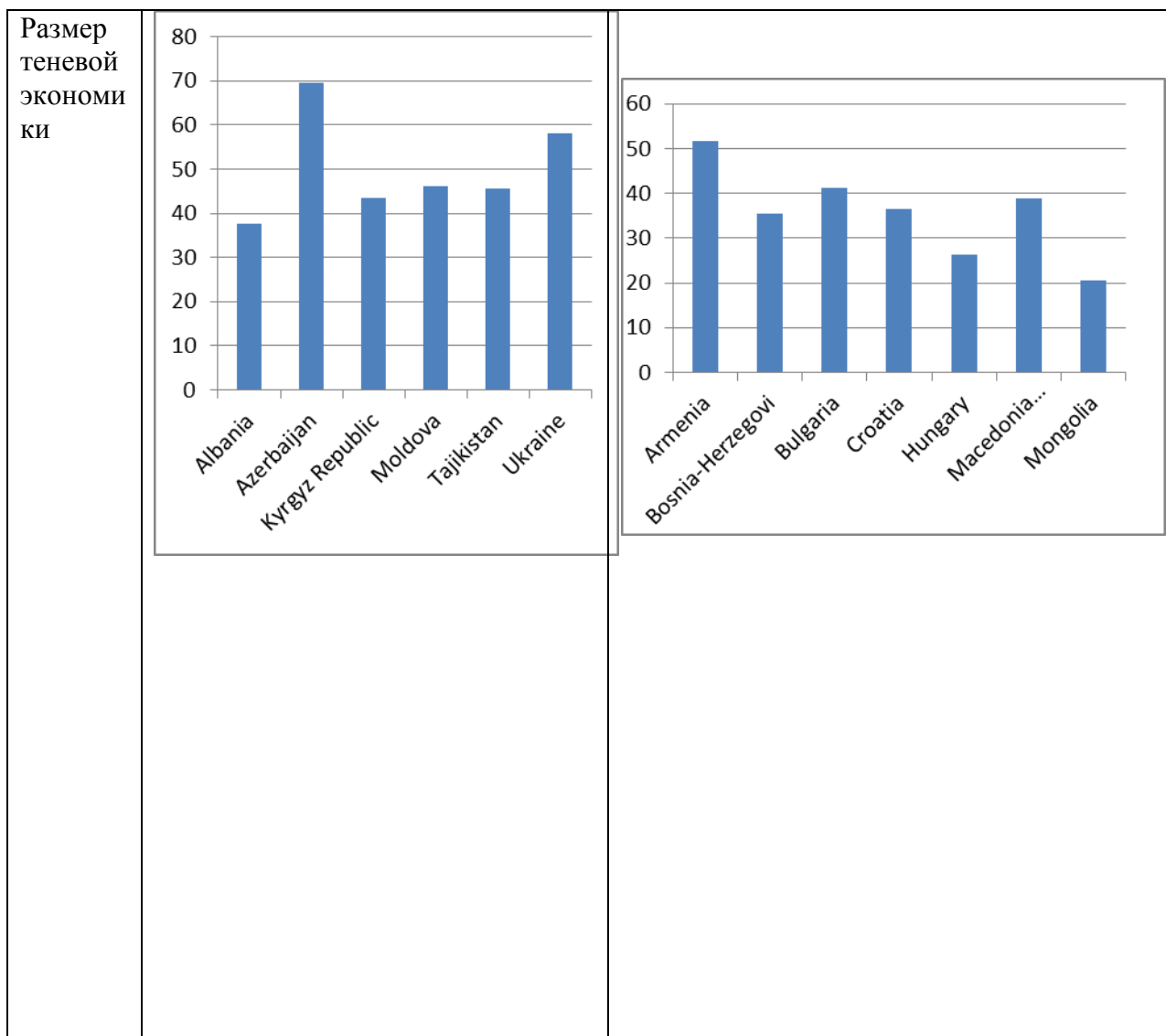

Таблица 1. Построение индекса насильственности коррупционных отношений.

Почему вы заплатили неформальную плату за услуги, которые вы должны были бы получить бесплатно? (Lits 6.05)	
а) Мне сказали заплатить	1
б) Я предложил плату за то, чтобы решить проблему быстрее и качественнее	0

с) Меня не просили платить, но я знал, что предполагается неформальный платеж	0.5
д) Меня не просили платить, но я хотел выразить свою благодарность	0

Страновой индекс насильственности коррупционных отношений представляет собой среднее значение данного показателя по каждой стране.

Таблица 2: Разделение стран по объему расходов на неформальные платежи.

Группа 1 (доля фирм, тратящих много денег на взятки больше или равна доле фирм, чьи расходы на неформальные платежи относительно невелики)	Группа 2 (доля фирм с несущественными расходами на взятки значительно превышает долю фирм, чьи неформальные расходы относительно велики)
Азербайджан, Албания, Болгария, Хорватия, Грузия, Казахстан, Косово, Киргизия, Латвия, Македония, Россия, Сербия, Словения, Таджикистан	Армения, Белоруссия, Босния-Герцеговина, Чехия, Венгрия, Литва, Молдавия, Монголия, Черногория, Польша, Румыния, Словакия, Турция, Украина.

Таблица 6 : Корреляционный анализ рыночной и сетевой коррупции со страновыми показателями.

	Восприяти е рыночной коррупции	Рыночная коррупци я	Восприя тие сетевой коррупц ии	Сетевая коррупц ия	Чистая сетевая коррупци я	CCI
HDI (0-низкий, 1-высокий)	-0.625***	-0.599***	-0.220 n.s.	0.065 n.s.	0.073 n.s.	-0.836***
Эффективность госуправления (- 2.5-низкая, 2.5- высокая)	-0.604***	-0.532***	-0.334 *	-0.098 n.s.	0.077 n.s.	-0.923***

Качество регулирования (-2.5-низкое, 2.5-высокое)	-0.465***	-0.417**	-0.196 n.s.	-0.022 n.s.	0.110 n.s.	
Насилие и политическая нестабильность (-2.5-низкая, 2.5-высокая)	-0.449***	-0.367**	-0.173 n.s.	-0.046 n.s.	0.027 n.s.	-0.704***
Антикоррупционный контроль (1-низкий, 9-высокий)	-0.527***	-0.581***	0.116 n.s.	0.074 n.s.	0.399**	-0.943***
Размер теневой экономики (% от ВВП)	0.488***	0.357**	0.064 n.s.	0.065 n.s.	-0.072 n.s.	0.699***
Степень демократичности и режима (-10-автократия, 10 - демократия)	-0.422**	-0.328*	0.061 n.s.	0.075 n.s.	0.162 n.s.	-0.595***

Доля последователей иерархических религий	0.412**	0.229 n.s.	0.465***	0.079 n.s.	-0.005 n.s.	0.618***
Мусульмане	0.542***	0.493***	0.042 n.s.	-0.197 n.s.	-0.294*	
Доля протестантов	-0.402**	-0.243 n.s.	-0.423 **	-0.015 n.s.	0.058 n.s.	-0.672***
Доля людей, предпочитающих профессию предпринимателя профессии чиновника	0.111 n.s.	0.241 n.s.	-0.217 n.s.	-0.205 n.s.	-0.298*	-0.243 n.s.
Доля людей, предпочитающих профессию чиновника профессии предпринимателя	-0.109 n.s.	-0.164 n.s.	0.270 n.s.	-0.198 n.s.	0.011 n.s.	0.210 n.s.
Восприятие рыночной коррупции		0.823***	0.130 n.s.	0.103 n.s.	-0.308*	
Рыночная коррупция	0.823***		-0.043 n.s.	0.016 n.s.	-0.507 ***	
CCI	0.644***	0.529***	0.366**	0.147 n.s.	0.081 n.s.	
Смешанная сетевая коррупция	0.103 n.s.	0.016 n.s.	0.465***			0.147 n.s.

Восприятие сетевой коррупции	0.13 n.s.	-0.043 n.s.		0.465***	0.588***	
------------------------------------	-----------	-------------	--	----------	----------	--

Таблица 7. Дескриптивная статистика участия и восприятия различных форм коррупции. *

	Восприятие рыночной коррупции	Рыночная коррупция	Чистая сетевая коррупци я	Смешанны й тип сетевой коррупции	Восприятие сетевой коррупции	Честные
Доля женщин	61	58	61	60	59	57
Возраст	41.69	41.81	40.3	39.6	44.61	42.25
Доход	4.34	4.629	4.48	4.42	4.19	4.8
Доля людей с высшим образовани ем	21	23	21	21	17	22
Доля работающи х людей	48	56	56	54	47	58
Холост	19	15	20	21	16	19
Женат	64	71	65	59	72	65
Разведен	5	5	6	8	4	5
Проживаю щий отдельно	1	1	2	2	2	1
Вдовец	9	6	6	9	5	6
Живущий без семьи	35	27	34	40	27	33
Дети	48	56	56	61	40	50
Проживаю щие всю жизнь в этом городе	65	69	61	60	60	61
Город	45	43	48	44	48	48
Сельская местность	42	45	40	46	41	41
Крупный город с пригорода	12	12	12	9	11	10

ми						
Внутри групповое доверие	12.47	12.4	12.59	12.62	12.42	12.71
Вне-групповое доверие	8.31	8.11	8.64	7.83	8.47	9.22
Доля желающих работать чиновником	15	13	19	15	21	22
Доля желающих работать предпринимателем	27	31	24	25	23	25
Сферы занятости, где данная группа представлена в наибольшей мере						
	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	Гостиничный бизнес	Строительство	Ритейл	Здравоохранение
	Образование	Продажа и обслуживание транспортных средств.	Ритейл	Оптовая торговля	Производство	Государственная служба и государственная оборона
	Другие области из сферы услуг	Ритейл	Образование	Ритейл	Другие области из сферы услуг	Образование
Сферы занятости, где данная группа представлена в						

наименьше й мере						
	Здравоохра нение	Здравоохран ение	Другие области из сферы услуг	Здравоохра нение	Здравоохран ение	Другие области из сферы услуг
	Государств енная служба и государств енная оборона	Государстве нная служба и государстве нная оборона	Транспор т, хранение и логистика	Производс тво	Государстве нная служба и государстве нная оборона	Транспорт, хранение и логистика
	Производст во	Производств о	Строител ьство	Деятельнос ть, связанная с компьютер ами	Деятельност ь, связанная с компьютера ми	Ритейл

*Большинство значений данной таблицы представляют собой процентную долю представителей той или иной категории респондентов. Они были рассчитаны как среднее значение на основе соответствующих долей по трем областям, где возможна коррупция в различных проявлениях: 1. получение документов, лицензий, разрешений и т.д. 2. Образование 3. Здравоохранение

В графе возраст представлен средний возраст для конкретной группы респондентов. В графе доход представлено среднее значение оценки дохода домохозяйства по 10-ти балльной шкале. Внутри и вне-групповое доверие измеряется с помощью средних значений соответствующих индексов для каждой категории респондентов. Наиболее популярные сферы занятости были выявлены путем анализа отклонений представителей изучаемых групп от среднего распределения респондентов по сферам занятости. В данной таблице представлены 3 сферы занятости для каждой группы респондентов, где были зафиксированы наибольшие положительные и наибольшие отрицательные отклонения.

Таблица 8 Причины рыночной и сетевой коррупции (результаты мультиномиальной логистической регрессии).

	MCP			PureNCP			MixNCP		
	Докум енты	Образов ание	Здравоо хранени е	Докумен ты	Образова ние	Здравоох ранение	Докуме нты	Образова ние	Здравоох ранение
	Модел ь 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Работаю щий	-0.233 (0.147)	0.027 (0.152)	-0.056 (0.076)	-0.102 (0.085)	-0.017 (0.085)	0.012 (0.056)	-0.116 (0.138)	0.036 (0.146)	-0.062 (0.078)
Пол (1- м, 2-ж)	-0.136 (0.139)	0.019 (0.145)	0.013 (0.071)	0.013 (0.079)	-0.009 (0.079)	0.044 (0.052)	-0.076 (0.131)	0.225 (0.145)	0.022 (0.074)
Возраст	0.003 (0.005)	-0.006 (0.006)	0.001 (0.002)	-0.012*** (0.003)	-0.010*** (0.003)	-0.012*** (0.002)	-0.009** (0.005)	-0.017*** (0.006)	-0.015*** (0.002)

Доход 2	0.209 (0.307)	0.226 (0.286)	0.199 (0.134)	-0.119 (0.150)	-0.222 (0.143)	-0.351**** (0.088)	-0.228 (0.244)	0.316 (0.270)	-0.110 (0.124)
Доход 3	0.382 (0.305)	0.016 (0.287)	0.167 (0.136)	-0.337** (0.149)	-0.512*** (0.142)	-0.519*** (0.089)	-0.379 (0.246)	-0.060 (0.273)	-0.312** (0.127)
Доход 4	0.306 (0.358)	-0.567 (0.364)	0.140 (0.169)	-0.201 (0.177)	-0.531*** (0.174)	-0.350*** (0.112)	-0.136 (0.302)	-0.398 (0.360)	-0.216 (0.165)
Доход 5	0.367 (0.685)	-0.486 (0.719)	-1.624** (0.633)	-0.497 (0.427)	-0.350 (0.386)	-0.735*** (0.278)	0.900* (0.540)	0.889 (0.568)	-0.139 (0.381)
Живет без семьи да-1	0.178 (0.155)	-0.017 (0.170)	-0.172** (0.076)	0.020 (0.087)	0.158* (0.092)	0.021 (0.055)	0.221 (0.144)	0.218 (0.158)	-0.070 (0.078)
Начальн ое образов ание	-0.357 (0.555)	- 1.449*** (0.555)	-0.117 (0.290)	0.737** (0.357)	1.341*** (0.399)	0.092 (0.185)	-0.014 (0.572)	-0.229 (0.623)	-0.113 (0.316)
Низшая ступень среднег о образов ания	0.003 (0.519)	-1.160** (0.488)	-0.077 (0.277)	0.684** (0.348)	1.200*** (0.394)	0.143 (0.177)	0.116 (0.544)	-0.559 (0.576)	-0.044 (0.301)
Высшая ступень среднег о образов ания	-0.474 (0.501)	-0.871* (0.453)	-0.033 (0.269)	0.672** (0.338)	1.096*** (0.386)	0.010 (0.173)	-0.226 (0.525)	-0.828 (0.553)	-0.198 (0.294)
Среднее специал ьное	-0.468 (0.518)	-1.007** (0.475)	0.037 (0.277)	0.648* (0.346)	0.973** (0.393)	0.058 (0.180)	-0.027 (0.537)	-0.464 (0.566)	-0.119 (0.301)
Бакалав р	-0.599 (0.522)	-0.736 (0.479)	0.088 (0.279)	0.622* (0.346)	0.997** (0.398)	-0.025 (0.182)	-0.492 (0.544)	-0.798 (0.577)	-0.187 (0.304)
Магисте р, ученая степень	-0.441 (0.589)	-0.814 (0.526)	-0.146 (0.299)	0.469 (0.368)	0.797* (0.421)	-0.272 (0.200)	-0.384 (0.590)	-0.619 (0.611)	-0.406 (0.327)
Дети да- 1	-0.009 (0.152)	-0.252 (0.203)	0.009 (0.079)	0.041 (0.084)	0.245** (0.103)	0.082 (0.058)	0.002 (0.141)	-0.195 (0.203)	0.085 (0.080)
деревня	0.282* (0.153)	-0.374** (0.161)	-0.032 (0.078)	-0.145* (0.087)	-0.158* (0.086)	-0.152*** (0.056)	-0.129 (0.145)	-0.539*** (0.153)	-0.066 (0.079)
агломер ация	-0.087 (0.274)	0.196 (0.256)	0.148 (0.120)	-0.023 (0.141)	-0.002 (0.152)	0.125 (0.091)	-0.654** (0.256)	-0.407 (0.260)	-0.269** (0.130)
внутри- группов ое доверие	- 0.124* ** (0.042)	- 0.142*** (0.040)	- 0.080*** (0.021)	-0.005 (0.025)	0.029 (0.025)	-0.006 (0.016)	-0.050 (0.039)	-0.048 (0.040)	-0.040* (0.022)
вне- группов ое доверие	-0.048 (0.029)	0.029 (0.028)	-0.020 (0.015)	-0.050*** (0.017)	-0.060*** (0.016)	-0.048*** (0.011)	- 0.113*** (0.027)	-0.041 (0.027)	-0.072*** (0.015)

Сотрудник маленькой частной компани и	0.152 (0.239)	0.052 (0.228)	0.091 (0.121)	-0.028 (0.140)	0.072 (0.141)	0.020 (0.090)	0.433* (0.221)	0.523** (0.225)	0.157 (0.126)
Сотрудник крупной частной компани и	0.213 (0.207)	-0.059 (0.226)	0.090 (0.118)	-0.027 (0.130)	0.160 (0.135)	-0.011 (0.090)	0.115 (0.213)	0.196 (0.236)	0.090 (0.123)
Госслужащий, работник госсектора	-0.315* (0.169)	-0.275* (0.167)	-0.038 (0.086)	0.125 (0.096)	0.257*** (0.094)	0.192*** (0.064)	0.365** (0.160)	0.379** (0.168)	0.138 (0.088)
Всю жизнь прожил в данном населен ном пункте 1-да	0.247 (0.157)	0.048 (0.154)	-0.102 (0.075)	-0.063 (0.086)	-0.098 (0.085)	-0.102* (0.055)	0.219 (0.146)	-0.097 (0.148)	-0.241*** (0.076)
Страновые дамми	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Pseudo R2	18%	14%	12%	18%	14%	12%	18%	14%	12%
N	3989	3831	9965	3989	3831	9965	3989	3831	9965